

"Дважды два"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Николас Спаркс

Дважды два

Вам, мой верный читатель! Спасибо за последние двадцать лет

Nicholas Sparks

TWO BY TWO

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Park Literary Group LLC и Andrew Nurnberg.

© Willow Holdings, Inc., 2016

© Перевод. У. Сапцина, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

А с ребенком – трое

- Ого! Здорово!

Помню, этот возглас вырвался у меня сразу же, как только Вивиан вышла из ванной и показала мне тест на беременность с положительным результатом.

Честно говоря, скорее я был удивлен. «Как, уже?..»

Шок и доля ужаса. Мы поженились чуть больше года назад, и, как только решили обзавестись детьми, Вивиан объявила мне, что первые несколько лет намерена провести с ними дома. Раньше я всегда соглашался с ней, мне и самому этого хотелось, но в тот момент я понял также, что нашей жизни семейной пары с двумя источниками дохода вскоре придет конец. Мало того, я даже не был уверен, готов ли стать отцом, но что мне оставалось? Ведь она не обманывала меня, не скрывала, что хочет ребенка, и сразу сообщила, когда перестала пить таблетки. Конечно, я тоже хотел детей, но она прекратила принимать таблетки всего три недели назад! Помню, я думал, что у меня, наверное, есть как минимум несколько месяцев в запасе, пока ее организм перестроится, приспособится к нормальному состоянию. Я рассуждал так: может, забеременеть не так-то просто и придется ждать год или два, откуда мне знать.

Но только не моей Вивиан. Ее организм быстро перестроился.

Осторожно обняв, я смотрел в ее лицо, пытаюсь разглядеть что-то особенное. Но ведь еще слишком рано, верно? И кстати, что такое это пресловутое «сияние лица»? Приznak того, что кое-кто покраснелся и взмок от жары? Или способ намекнуть, насколько теперь

изменится наша жизнь?

Вопросы множились, а я, Рассел Грин, обнимал свою жену и не мог ответить ни на один из них.

Через несколько месяцев произошло грандиозное событие, а если короче – ЭТО наконец свершилось, но я, признаться, почти весь день провел как в тумане.

Сейчас, спустя время, я думаю, что следовало бы записать все подробности сразу, пока они были еще свежи в памяти. Такие события, как ЭТО, надо сохранять как можно подробнее, а не в виде нечетких моментальных снимков, на которые теперь похожи мои воспоминания. Да и этим воспоминаниям я обязан исключительно Вивиан. Каждая подробность как будто врезалась в ее память, ведь принято считать, что боль обостряет разум. А Вивиан все-таки рожала.

Иногда, вспоминая события того дня, мы с Вивиан немного расходились во мнениях. К примеру, я считал свои действия совершенно оправданными, а Вивиан утверждала, что я вел себя то как эгоист, то как полный идиот. Когда она рассказывала эту историю друзьям – а делала она это множество раз, – слушатели непременно посмеивались или качали головами, выражая сочувствие.

Положа руку на сердце я не считаю себя ни эгоистом, ни полным идиотом. В конце концов, это наш первый ребенок. Никто не знал, как будут протекать роды. Неужели к такому вообще можно подготовиться? Мне говорили, что процесс родов непредсказуем; на протяжении беременности Вивиан не раз напоминала мне, что от первых схваток до рождения ребенка он может занять больше суток, особенно если ребенок первый, и что роды продолжительностью двенадцать часов и более – норма. Как большинство молодых будущих отцов, я считал жену экспертом в этой области и верил ей на слово. Ведь это она, а не я, перечитала кучу книг по беременности и родам.

Замечу также, что в то утро я действовал не так уж и бестолково. К своим обязанностям я отнесся со всей серьезностью. И сумка с вещами Вивиан, и сумка с вещами ребенка были собраны, содержимое обеих перепроверено дважды. Фотоаппарат и видеокамера заряжены, детская полностью укомплектована всем, что только могло понадобиться нашему ребенку в течение как минимум месяца. Я знал кратчайший путь до больницы и вдобавок изучил запасные маршруты – на случай пробки на шоссе. А еще знал, что ребенок скоро появится на свет: хоть многочисленные сигналы тревоги в преддверии дня его рождения и были ложными, даже до меня дошло, что обратный отсчет уже начался.

Поэтому я не особо удивился, когда в половине пятого 16 октября 2009 года моя жена разбудила меня и объявила, что схватки повторяются каждые пять минут и пора ехать в больницу. Мне и в голову не пришло усомниться в ее словах, ведь она знала разницу между схватками Брэкстона-Хикса и *истинными*. И хотя я ждал этого момента, первые мои мысли были не о том, чтобы, наскоро одевшись, погрузить вещи в машину, и даже не о жене и не о ребенке, который вот-вот должен был родиться. Вместо этого в голове у меня крутилось что-то вроде *«сегодня свершится ЭТО, все будут делать снимки, а потом долгие годы рассматривать их. И мне, хотя бы ради потомков, перед выездом следовало бы заскочить в душ, потому что мои волосы выглядят так, будто я всю ночь провел в аэродинамической трубе»*.

Я тщеславен, просто мне казалось, что времени у меня еще *хоть отбавляй*, потому я и сказал

Вивиан, что буду готов через пару минут. Как правило, я не задерживаюсь в душе, обычно у меня уходит не более десяти минут на все про все, в том числе на бритье. Но в тот день, как только я взбил на щеках крем для бритья, мне показалось, что я слышу крик жены из гостиной. Я прислушался, ничего больше не услышал, но на всякий случай ускорился. Когда споласкивался, я снова услышал ее крик. Запахнув на талии полотенце, я вышел в темный коридор. Бог свидетель, я простоял под душем меньше шести минут.

Мне понадобилась секунда, чтобы сообразить, что Вивиан стоит на четвереньках, кричит в свой мобильник, что я принимаю «ИДИОТСКИЙ ДУШ!», и «КАКОГО ХРЕНА ЭТОТ КРЕТИН СЕБЕ ДУМАЕТ?!?!!». Определение «кретин» было самым мягким из всех, которыми она меня наградила. Я не знал, что схватки повторяются уже не каждые пять, а каждые две минуты и что у нее начались боли в пояснице. Мучительные боли. Вивиан внезапно испустила вопль такой силы, что он, наверное, до сих пор слышится в нашем районе в Шарлотте, Северная Каролина, – довольно мирном и тихом месте.

Можете не сомневаться: после этого я еще прибавил скорости, натянул на мокрое тело одежду и бросился грузить вещи в машину. Я поддерживал Вивиан, пока мы шли до машины, и ни слова не сказал о том, что она впиалась ногтями в мое предплечье. Через мгновение я уже сидел за рулем и сразу после выезда на улицу позвонил акушеру, который пообещал встретить нас в больнице.

Когда мы подъехали, схватки повторялись по-прежнему каждые две минуты, и это означало, что Вивиан направят напрямик в родильную палату. Я держал ее за руку и пытался руководить ее дыханием – причем она снова не постеснялась в выражениях, чтобы высказать все, что думает обо мне и о том, куда мне «заткнуть это чертово дыхание!» – пока не пришли делать эпидуральную анестезию. В начале беременности Вивиан много думала о том, соглашаться ли на анестезию, и нехотя приняла верное решение. Как только лекарство подействовало, мучения прекратились, и Вивиан впервые с утра улыбнулась. Ее акушер – лет шестидесяти, седой, с аккуратной стрижкой и приветливым лицом – заходил в палату каждые двадцать-тридцать минут, чтобы проверить раскрытие шейки. А я между его визитами позвонил родителям и моей сестре.

Момент настал. Медсестры подготовили аппаратуру. А потом врач велел моей жене тужиться.

Вивиан тужилась на протяжении трех схваток; во время третьей врач неожиданно начал поворачивать кисти рук, как фокусник, извлекающий кролика из цилиндра, и я опомниться не успел, как стал отцом.

Вот так.

Врач осмотрел нашу малышку, выявил легкую анемию, зато на месте были все десять пальчиков на руках, десять на ногах, здоровое сердце и комплект функционирующих легких. Я спросил об анемии, но врач сказал, что причин для беспокойства нет, потом брызнул какой-то вязкой жидкостью в глаза нашего ребенка. Малышку вымыли, запеленали и положили на грудь моей жене.

Как я и предполагал, фотографироваться нам пришлось весь день. Но, как ни странно, когда снимки рассматривали, никому не было дела до того, как я на них выгляжу.

Говорят, дети рождаются похожими или на Уинстона Черчилля, или на Махатму Ганди. Но поскольку анемия придавала серовато-бледный оттенок коже малышки, моей первой мыслью

было, что она похожа на Йоду, только, конечно, без длинных ушей. Заметьте - на *прекрасного Йоду, потрясающего Йоду, Йоду настолько чудесного*, что, когда она схватилась за мой палец, у меня от счастья едва не разорвалось сердце. Через несколько минут прибыли мои родители, и я, в нервном возбуждении выбежавший встречать их в коридор, выпалил первое, что пришло в голову:

- У нас серый ребенок!

Мама посмотрела на меня, как на сумасшедшего, а отец принялся ковырять в ухе, словно мог услышаться из-за скопившейся в нем серы. Ничего не ответив, они вошли в палату и увидели Вивиан, с безмятежным выражением лица укачивающую на руках нашу дочь. Мы переглянулись, и я подумал, что Лондон суждено стать самой любимой малышкой в мире. Да, все новоиспеченные отцы наверняка считают то же самое. Но *самый любимый ребенок в мире* может быть только один, и я, думая об этом простом факте, слегка удивлялся тому, что другие посетители больницы не спешат заглянуть в нашу палату, полюбоваться моей дочерью.

Моя мать шагнула к постели и вытянула шею, чтобы разглядеть ребенка.

- Вы уже выбрали имя? - спросила она.

- Лондон, - ответила моя жена. - Мы решили назвать ее Лондон.

Наконец мои родители уехали, но вернулись в тот же день. В промежутке между их визитами нас навестили и родители Вивиан. Они прилетели из Александрии, штат Виргиния, где выросла Вивиан. Их приезд привел мою жену в восторг, но сам я мгновенно почувствовал, как напряжение в палате начало нарастать. Мне всегда казалось, что они считают, будто их дочь *устроилась* в жизни, решив выйти за меня. И моих родителей они, похоже, недолюбливали, и не без взаимности. Все четверо общались тепло, но тем не менее сразу было видно, что они предпочитают избегать общества друг друга.

Моя старшая сестра Мардж тоже приехала вместе со своей подругой Лиз и привезла подарки. Они пробыли вместе дольше, чем мы с Вивиан - на тот момент более пяти лет, и я не только считал Лиз идеальной парой для моей сестры, но и знал: Мардж - лучшая старшая сестра, какая только может быть у мальчишки. Мой отец работал сантехником, мать - секретарем в приемной дантиста, пока несколько лет назад не вышла на пенсию. И Мардж порой не только заменяла их, но и служила моим доверенным лицом, помогая преодолевать муки пубертата. Кстати, ни Мардж, ни Лиз не любили родителей Вивиан: эта неприязнь стала очевидной еще накануне моей свадьбы, когда родители Вивиан наотрез отказались посадить Мардж и Лиз вместе за главный стол. Правда, в итоге Мардж присутствовала на свадьбе, а Лиз нет, вдобавок Мардж предпочла надеть не платье, а смокинг, но нанесенного оскорбления не простили обе, к тому же гетеросексуальные пары никто не разбивал. Честно говоря, я не виню Мардж и Лиз за их отношение к родителям Вивиан. И между прочим, Мардж и Лиз ладят намного лучше, чем большинство знакомых мне супружеских пар.

Посетители приходили и уходили, а я весь день провел в палате с женой, сидел то в кресле-качалке у окна, то на постели рядом с Вивиан, и мы оба время от времени восторженно повторяли: *у нас дочь!* Я не сводил глаз с жены и малышки, точно зная, что принадлежу им всецело и что мы навсегда связаны друг с другом. Чувства переполняли меня. Вдруг я задумался о том, как Лондон будет выглядеть в подростковые годы, о чем будет мечтать, как распорядится своей жизнью. Как только Лондон начинала хныкать, Вивиан машинально подносила ее к груди, а я становился свидетелем очередного чуда.

«Откуда Лондон знает, что делать? – мысленно изумлялся я. – Господи, откуда ей это известно?»

Об этом дне у меня сохранилось еще одно сокровенное воспоминание.

Это случилось в первую ночь, проведенную в больнице, спустя долгое время после ухода наших последних посетителей. Вивиан уснула, я дремал в кресле-качалке, когда услышал, что моя дочь ворочается. До этого дня я ни разу не держал на руках новорожденного младенца, поэтому прижал ее к себе. Я думал, придется будить Вивиан, но, к моему удивлению, Лондон притихла. Медленно и осторожно я отступил к качалке, сел и следующие двадцать минут изумлялся чувствам, пробуждающимся во мне. Я уже всем сердцем любил свою дочь, но теперь жизнь без нее стала казаться мне невообразимой. Помню, как я шептал ей: я ее отец, я всегда готов прийти к ней на помощь, и она, слишком буквально восприняв мои слова, обкакалась, заерзала и наконец расплакалась. И мне пришлось передать ее Вивиан.

Глава 2

В начале

– Сегодня я все им сказала, – объявила Вивиан.

Мы наконец остались вдвоем. Вивиан устало переоделась в пижаму и заползла под одеяло. Была середина декабря. Лондон уснула меньше часа назад; в возрасте восьми недель она по-прежнему спала всего три-четыре часа подряд. Вивиан не жаловалась, но постоянно была уставшей. Красивой, но уставшей.

– Кому и что ты сказала? – спросил я.

– Робу, – ответила она, имея в виду своего босса в медиакомпании, где работала. – Я известила его, что не выйду на работу после окончания отпуска по беременности и родам.

– А-а... – отозвался я, ощущая тот же укол ужаса, что и во время осознания себя отцом. Вивиан зарабатывала наравне со мной, и я сомневался, что без ее заработка мы сможем позволить себе прежний образ жизни.

– Он сказал, что, если я передумаю, двери для меня всегда открыты. Но я объяснила, что чужие люди воспитывать Лондон не будут. Иначе зачем вообще было заводить ребенка?

– Меня не надо убеждать, – отозвался я, делая все возможное, чтобы скрыть свои чувства. – Я на твоей стороне. Но ты ведь понимаешь, что это означает. Теперь мы не сможем так же часто ужинать вне дома и будем вынуждены сократить расходы.

– Понимаю.

– И ты согласна ходить по магазинам реже?

– Ты говоришь это так, будто я швыряю деньги на ветер.

Иногда выписки по кредитке говорили об обратном, как и шкаф Вивиан, в который с трудом помещались одежда, туфли и сумочки, но я уловил раздражение в ее голосе, а меньше всего мне сейчас хотелось затевать спор. Вместо этого я притянул Вивиан к себе, решив закончить разговор иначе, и поцеловал ее в шею.

- Прямо сейчас? - спросила она.
- Уже столько времени прошло...
- И моему бедняжечке кажется, что он вот-вот лопнет, да?
- Я бы не рисковал.

Она рассмеялась, но едва я начал расстегивать ее пижамную кофточку, как из радионяни донесся какой-то шорох. Мы в тот же миг замерли не дыша.

Тишина.

Но когда я решил, что опасность миновала, и отважился сделать выдох - из динамика радионяни донесся отчаянный крик. Я перекатился на спину, Вивиан выскользнула из постели. К тому времени, как Лондон наконец успокоилась - для чего понадобилось добрых полчаса, - Вивиан была уже не в том настроении, чтобы повторять попытку.

Но утром нам с Вивиан повезло. Настолько повезло, что я вызвался побыть с Лондон, когда она проснется, чтобы Вивиан могла еще немного поспать. Однако Лондон, должно быть, устала не меньше Вивиан: за то время, пока я пил две чашки кофе, слышал только, как она кряхтит в полусне.

Войдя в детскую, я увидел, что мобиль над кроватью вращается, а Лондон энергично перебирает ножками. Я не сдержал улыбку, и вдруг в ответ она тоже улыбнулась.

Это был не рефлекс. Я не верил своим глазам. Улыбка была настоящая, как восход солнца, а когда Лондон залилась неожиданным смехом, и без того блистательное начало моего дня внезапно стало в тысячу раз лучше.

Мудрым человеком меня не назовешь.

Нет, интеллектом я не обижен. Но быть мудрым - это не просто обладать интеллектом. Мудрость включает в себя понимание, эмпатию, опыт, душевное спокойствие и интуицию. И сейчас я могу точно сказать, что многих из этих черт мне явно недостает.

Вот что еще я усвоил: возраст - гарантия мудрости не более чем гарантия интеллекта. Да, знаю, эта точка зрения непопулярна - мы ведь нередко приписываем нашим старикам мудрость отчасти потому, что они седы и морщинисты, верно? Но за последнее время я убедился, что некоторым людям от рождения присуща способность с возрастом становиться мудрее, а другие лишены ее, а у некоторых наличие мудрости проявляется даже в молодости.

К примеру, у моей сестры Мардж. Она мудра, хотя всего на пять лет старше меня. И Лиз тоже. Она моложе Мардж, но ее замечания всегда имеют смысл и вместе с тем деликатны. После разговоров с ней я часто ловлю себя на том, что подолгу обдумываю каждое ее слово. Мои родители тоже мудры, и я, много размышляя об этом, пришел к выводу, что хоть мудрость и передается в нашей семье по наследству, я ею начисто обделен.

Ведь если бы я был мудрым, я прислушался бы к Мардж еще летом 2007 года, когда она привезла меня на кладбище, где похоронены наши дед и бабушка, и спросила, действительно ли я уверен в решении жениться на Вивиан.

Если бы я был мудрым, я прислушался бы к отцу, когда он спросил меня, тридцатипятилетнего, уверен ли я, что хочу открыть собственную рекламную компанию.

Если бы я был мудрым, я прислушался бы к маме, которая советовала мне проводить с Лондон как можно больше времени, ведь дети так быстро растут, а упущенные годы не вернешь.

Но, как я уже сказал, мудрым человеком меня не назовешь. В итоге моя жизнь практически вошла в штопор. И я не был уверен, удастся ли мне когда-нибудь выйти из него.

С чего начать, когда пытаешься понять ситуацию, смысла в которой нет? С самого начала? А где оно, это начало?

Кто знает...

В детстве я верил, что почувствую себя взрослым к тому моменту, как мне исполнится восемнадцать, и оказался прав. В восемнадцать я уже строил планы на жизнь. Мои родители существовали от зарплаты до зарплаты, и это было не по мне. Я мечтал основать собственный бизнес, быть самому себе хозяином, хотя и понятия не имел, чем я, собственно, собираюсь заниматься. Рассудив, что учеба поможет мне сделать первые шаги в верном направлении, я поступил в Университет штата Северная Каролина, но чем дольше учился, тем отчетливее ощущал, что не вырасту. К тому времени, как получил диплом, я никак не мог избавиться от мысли, что остался, в сущности, тем же мальчишкой, каким был в старших классах школы.

Университет не помог мне и с выбором бизнеса, который я собирался основать. Практического опыта у меня было мало, капитала – еще меньше, поэтому, отложив на время исполнение своей мечты, я устроился на работу в сфере рекламы к человеку по имени Джесси Питерс. Я ходил в офис, носил деловые костюмы, но по-прежнему чувствовал себя *моложе*, чем полагалось по возрасту. В выходные я часто заглядывал в те же бары, что и во время учебы, и часто представлял, как мог бы начать все заново, с первого курса, и легко вписаться в студенческое братство. За последующие восемь лет произошли перемены: я женился, купил дом, пересел за руль гибрида, но при всем этом далеко не всегда чувствовал себя обновленной, повзрослевшей версией самого себя. Ведь Питерс, по сути дела, занял место моих родителей – как и они, имел право говорить мне, что делать и чего *не делать*. В результате казалось, будто я только *притворяюсь* взрослым. Порой, сидя за рабочим столом, я пытался убедить себя: *«Так, все это по-настоящему. Теперь я взрослый»*.

Разумеется, осознание пришло само собой – после того, как родилась Лондон, а Вивиан бросила работу. Мне в то время не исполнилось и тридцати. Психологически было тяжело ощущать себя в роли единственного добытчика в семье на ближайшие несколько лет, к тому же от меня потребовались жертвы, которых я никак не ожидал. И если не это называется «быть взрослым», то что тогда – я не знаю. После завершения рабочего дня в рекламном агентстве – в те дни, когда мне удавалось вернуться домой не слишком поздно, – я входил в дверь, слышал крик Лондон «папочка!» и всякий раз расстраивался, что не могу проводить с ней больше времени. Она неслась ко мне, я подхватывал ее на руки, она обнимала меня за шею, и я ловил себя на мысли, что мои жертвы не напрасны – хотя бы потому, что у нас есть наша чудесная девочка.

В лихорадочной суматохе жизни было легко убедиться, что самое важное – мои жена и дочь, работа, семья – в порядке, хотя я по-прежнему не хозяин самому себе. В редкие моменты, когда я представлял будущее, я ловил себя на мысли, что рисую его мало чем отличающимся от настоящего, и это меня устраивало. С виду все шло довольно гладко, хотя именно это было

поводом насторожиться. Поверьте, у меня и мысли не закрадывалось о том, что меньше чем через пару лет я стану просыпаться по утрам с тем же чувством, что и эмигранты на острове Эллис, которые прибывали в Америку, не имея ничего, кроме надетой на них одежды, не зная языка и не понимая, *как им теперь жить*.

Но когда именно все пошло не так? Если бы я спросил у Мардж, последовал бы однозначный ответ: «Все покатило по наклонной, когда ты встретил Вивиан» – она не раз говорила мне об этом. И она не была бы собой, если бы не исправлялась: «Беру свои слова обратно: все началось даже раньше, когда ты учился в школе и повесил на стену тот плакат – с девчонкой в бикини и со здоровенными сиськами. Кстати, этот плакат мне всегда нравился, но он сбил тебя с толку». А потом, немного погодя, она качала головой и говорила: «Но если вдуматься, ты всегда был испорченным, и мои слова как человека, которого в семье всегда считали паршивой овцой, что-нибудь да значат. Может, на самом деле твоя беда в том, что ты всегда был слишком хорошим – себе во вред».

Так-то. Процесс, когда пытаешься разобраться, что все-таки пошло не так, или, точнее, где *ты* сам допустил оплошность, напоминает чистку лука. Под очередным слоем шелухи всегда обнаруживается еще один, всплывает еще одна былая ошибка или мучительное воспоминание, которое уводит еще глубже в поисках *истины*. Я уже достиг точки, когда оставил всякие попытки дойти до самой сути. Единственное, что теперь имеет значение, – разобраться в прошлом настолько, чтобы научиться избегать подобных ошибок.

Для этого важно понять самого себя. А это, между прочим, непросто. Так что начну вот с чего: взрослея, я постепенно пришел к убеждению, что на свете существуют две категории мужчин. «Женатики» и «холостяки». «Женатик» – это тот, кто оценивает, пожалуй, каждую девушку, с которой встречается, как потенциальную жену, способную стать его *Единственной*. По этой же причине женщины тридцати-сорока лет часто повторяют: «*Все хорошие мужчины уже заняты*». Под «хорошими» женщины подразумевают тех мужчин, которые готовы и способны стать мужьями.

Я всегда относился к «женатикам». Быть в паре казалось мне *правильным*. По некой причине я всегда чувствовал себя уютнее в присутствии женщин, а не мужчин, даже если речь шла о друзьях. А уж общение с единственной женщиной, *которая вдобавок безумно влюблена в меня*, представлялось мне высшим из всех мыслимых благ.

Наверное, так тоже бывает. Но именно здесь и возникает загвоздка, потому что не все «женатики» одинаковы. В категорию «женатиков» входят разные подгруппы – к примеру, мужчины, которые также считают себя «*романтиками*». Звучит неплохо, правда? По заверениям большинства женщин только о таких мужчинах они и мечтают. Должен признаться, как раз к этой подгруппе я и отношусь. Но в отдельных случаях у представителей той же подгруппы есть прошивка «подкаблучника». Убежден: достаточно приложить усилие, и моя жена будет боготворить меня так же, как и я ее.

Но что сделало меня таким? Может, я такой по природе? Или на меня повлияла обстановка в семье? Или же я просто в нежном возрасте насмотрелся мелодрам? Или свою роль сыграло все перечисленное?

Понятия не имею, но без колебаний могу заявить: перебор с мелодрамами – вина одной только Мардж. Она любила классику вроде «Незабываемого романа» и «Касабланки», но годились и «Привидение», и «Грязные танцы», а уж «Красотку» мы смотрели раз двадцать. Этот фильм

был у Мардж самым любимым. Разумеется, в то время я не знал, что мы с сестрой обожали смотреть его потому, что оба втрескались в Джулию Робертс, но сейчас речь не об этом. Наверное, этот фильм будут смотреть вечно, потому что он *действует*. Между персонажами, которых играют Ричард Гир и Джулия Робертс, чувствуются... *флюиды*. Они общаются. Учатся доверять друг другу, несмотря ни на что. Влюбляются. А разве можно забыть сцену, когда Ричард Гир ждет Джулию – он решил сводить ее в оперу – и она появляется в платье, которое полностью преображает ее? Зритель видит ошеломленное лицо Ричарда. Потом он наконец спохватывается и открывает бархатный футляр – в нем лежит бриллиантовое кольцо, которое Джулия наденет этим вечером...

Все сказано всего несколькими сценами. Я имею в виду романтику: доверие, предвкушение и радость в сочетании с оперой, нарядами и драгоценностями ведут к *любви*. У меня, еще не достигшего подросткового возраста, в мозгу разом щелкнуло: это же что-то вроде практического руководства «Как произвести впечатление на девушку». В сущности, все, что мне нужно было запомнить, – парень сначала должен *понравиться* девушке, и тогда *романтические жесты* приведут к *любви*. Так в реальном мире появился еще один романтик.

Когда я учился в шестом классе, к нам пришла новенькая. Мелисса Андерсон переехала из Миннесоты и была светловолосой и голубоглазой, как ее предки-шведы. Увидев ее в школе впервые, я, как и многие другие, остолбенел. Все мальчишки шептались о ней, и я нисколько не сомневался, что она самая симпатичная девчонка из всех, чья нога когда-либо ступала в класс миссис Хартман, начальной школы имени Артура Э. Эдмондса.

Но разница между мной и другими мальчишками школы заключалась в том, что я точно знал, как действовать. Я был готов добиваться Мелиссу. И хотя я не Ричард Гир с его частными самолетами и бриллиантовыми колье, у меня имелись велосипед и умение плести браслеты с деревянными бусинами. Но все это следовало после. А сначала мы – в точности как Ричард и Джулия – должны были *понравиться* друг другу. Я начал придумывать предлоги, чтобы за обедом сесть за один стол с ней. Когда она говорила, я слушал и задавал вопросы, а когда спустя несколько недель она наконец сказала, что, как ей кажется, я хороший, я понял: настало время сделать следующий шаг. И я написал стихи – о том, как она жила в Миннесоте и какая она красотка, – и однажды сунул их ей в школьном автобусе вместе с цветком. Потом я сел на свое место, точно зная, что будет дальше: она поймет, что я не такой, как все, и с этим пониманием придет яркое озарение, которое побудит ее взять меня за руку и попросить проводить до дома, как только мы выйдем из автобуса.

Вот только ничего из моих стараний не вышло. Вместо того чтобы прочитать стихи, она всю дорогу до дома болтала со своей подружкой Эйприл, а на следующий день села за обедом с Томми Хармоном, а со мной вообще не разговаривала. Не заговорила она со мной и на следующий день, и следующие за ними. Потом Мардж застала меня в унынии у себя в комнате и объяснила, что я перестарался и мне просто надо быть самим собой.

– Так я и делаю.

– Тогда, может, стоит измениться, – подсказала Мардж. – А то кажется, будто это твой последний шанс.

Беда была в том, что я не задумывался. Разве Ричард Гир задумывался? А он явно знал побольше моей сестры. Но опять-таки мудрость и я несовместимы. Потому что «Красотка» – кино, а я жил в реальном мире. Так или иначе, сценарий, сложившийся с Мелиссой Андерсон, повторялся в некоторых вариациях с другими девчонками, пока наконец не превратился в стереотип, который я никак не мог сломать. Я стал королем романтических жестов – цветов,

записок, открыток и тому подобного. В студенческие годы я даже был «тайным поклонником» одной девчонки. Я открывал двери, расплачивался на свиданиях, выслушивал все, о чем только хотелось поговорить девушке, даже о том, как сильно она до сих пор любит своего бывшего. Большинство девушек не скрывали, что я им нравлюсь. Я серьезно. Для них я был *другом*, парнем из тех, кого компания подружек зовет с собой повсюду, но с теми девчонками, на которых я имел виды, мне редко удавалось добиться успеха. Вы себе представить не можете, сколько раз я слышал: *«Ты самый замечательный парень из всех моих знакомых, ты обязательно найдешь себе пару. У меня есть подруги, с которыми я могла бы тебя познакомить...»*

Нелегко быть человеком, который *идеально подходит кому-нибудь другому*. Я часто чувствовал себя несчастным и никак не мог понять, почему женщины утверждают, что хотят романтики, доброты, заинтересованности, умения слушать, а когда им дают все это, совсем не ценят.

Правда, не могу сказать, что в любви мне совсем не везло. На второй год учебы в старших классах у меня появилась девушка по имени Анджела, почти весь первый курс университета со мной была Виктория. А первым летом после окончания университета, в двадцать два года, я познакомился с Эмили.

Эмили до сих пор живет в том же районе, и все эти годы я периодически сталкивался с ней. Она была первой, кого я любил, и поэтому я и теперь нередко думаю о ней. Эмили предпочитала вести богемную жизнь: носила длинные цветастые юбки и сандалии, почти не красилась и специализировалась на изобразительных искусствах, в основном на живописи. Она была красива – каштановые волосы и глаза орехового оттенка с золотистыми крапинками. Но привлекала не только внешностью. Она обладала остроумием, добротой к окружающим и высоким интеллектом. А меня всегда тянуло к умным женщинам. Мои родители ее обожали, Мардж ее любила, и даже молчание с ней становилось уютным. Наши отношения отличали легкость и непринужденность: мы были скорее друзьями, чем любовниками. С Эмили мы могли говорить о чем угодно, ей доставляли удовольствие записки, которые я прятал под ее подушку, и цветы, которые отправлял к ней на работу без всякого повода. Она любила меня так же сильно, как и я ее. После двух лет отношений я собирался сделать ей предложение и даже копил деньги на кольцо в честь помолвки.

А потом я все испортил. Не спрашивайте почему. Я мог бы свалить всю вину на выпивку, и действительно в тот раз напился с друзьями в баре, но, как бы там ни было, у меня завязался разговор с некой Карли. Она была красива, умело флиртвала и недавно рассталась с парнем, с которым встречалась довольно долго. За одним стаканом последовал другой, флирт продолжался, и в конце концов мы оказались в постели. Утром Карли ясно дала понять: все, что случилось, – ничего не значит, и хотя поцеловала меня на прощание, номер телефона оставить не удосужилась.

Существует пара элементарных Мужских правил на случай подобных ситуаций. Правило номер один гласит: *«Не вздумай сознаться»*. А если твоя любимая что-то заподозрит и спросит напрямую, немедленно следуй правилу номер два: *«Отрицай, отрицай и еще раз отрицай»*.

Всем мужчинам известны эти правила, но дело в том, что меня мучила совесть. Страшно мучила. Прошел месяц, а я никак не мог забыть тот случай и простить его себе. Хранить его в тайне казалось невозможным, я представить себе не мог, как буду продолжать отношения с Эмили, зная, что они отчасти построены на лжи. Я во всем сознался Мардж, и она, как всегда, по-сестрински помогла мне.

- Закрой пасть, кретин. Ты совершил глупость, теперь чувствуешь вину - так тебе и надо. Но если повторять не собираешься, тогда не смей ранить чувства Эмили. Эта новость уничтожит ее.

Я понимал, что Мардж права, но...

Мне необходимо было прощение Эмили, поскольку я сомневался, что без него сумею простить сам себя, так что я отправился к Эмили и произнес слова, о которых до сих пор жалею.

- Мне надо кое-что тебе рассказать, - начал я и выложил все.

Первая цель заключалась в прощении, и я ее не достиг. Второй целью было строительство длительных отношений на фундаменте правды, но и тут ничего не вышло. В гневе и слезах Эмили выбежала из комнаты, прокричав, что ей нужно время подумать.

Я оставил ее в покое на неделю, в ожидании ее звонка вылизывал свою квартиру, но телефон так и не зазвонил. На следующей неделе я оставил ей два сообщения, оба с извинениями, но она все равно не перезвонила. Лишь через неделю мы встретились за обедом, но он прошел напряженно. Эмили попросила меня не провожать ее до машины. Знак был зловещим, и через несколько дней она оставила сообщение: *«Между нами все кончено»*. От этого удара я долго оправлялся.

Со временем мое чувство вины ослабло - время лечит угрызения совести, и я попытался утешиться мыслью, что, по крайней мере, для Эмили моя неосмотрительность стала тем, что называется «нет худа без добра». От друзей я слышал, что через несколько лет после нашего разрыва Эмили вышла за какого-то австралийца, а когда я мельком видел ее, мне всегда казалось, что судьба к ней благосклонна. Я твердил себе, что должен радоваться за нее. Эмили больше, чем кто-либо, заслуживала счастливой жизни, и Мардж считала так же. Даже после женитьбы на Вивиан моя сестра порой говорила мне в сердцах: «Вот Эмили была что надо! Ну как ты мог так облажаться?»

Я родился в Шарлотте, Северная Каролина, и если не считать единственного года, проведенного в другом городе, прожил там всю свою жизнь. Даже теперь мне не верится, что мы с Вивиан познакомились здесь или встретились вообще. Ведь она, как и я, родом с Юга: как и меня, ее полностью поглощала работа, и она редко где-нибудь бывала. Так какой же была вероятность моей встречи с Вивиан на вечеринке на Манхэттене?

В то время я работал во вспомогательном офисе компании в Мидтауне: звучало это гораздо интереснее, чем было на самом деле. Джесси Питерс придерживался мнения, что каждый, кто считался хоть сколько-нибудь перспективным в офисе в Шарлотте, должен поработать немного на Севере, - хотя бы потому, что часть наших клиентов составляли банки, а головной офис каждого банка находился в Нью-Йорке. Вы наверняка видели рекламные ролики из тех, над которыми я работал. Я считаю их продуманными и серьезными, отражающими цельность натуры. Кстати, идея первого из этих роликов родилась, когда я жил в тесной студии на Западной Семьдесят седьмой улице между авеню Коламбус и Амстердам и пытался смириться с величиной баланса моего текущего счета, средств на котором едва хватало, чтобы разжиться фастфудом в ближайшей забегаловке.

В мае 2006 года президент одного из банков, которому понравилась моя концепция, устраивал благотворительную акцию в пользу MoMA [1]. Этот президент всерьез увлекался искусством, о котором я не имел никакого представления, и хотя мероприятию предполагалось быть

эсклюзивным и официальным, меня туда не тянуло. Но его банк являлся нашим клиентом, а Питерс управлял в стиле «делай что сказали, а то пожалеешь», и мне ничего не оставалось.

О том, как прошли первые полчаса, я почти ничего не помню, кроме одного: я очутился явно не в своей тарелке. Большая часть присутствующих годились мне в деды, практически все вращались в сферах, в которых уровень дохода не входил ни в какое сравнение с моим. В какой-то момент я обнаружил, что прислушиваюсь к разговору двух седовласых джентльменов, обсуждающих достоинства G-IV и Фалькон 2000. До меня не сразу дошло, что они сравнивают свои самолеты.

В другом углу зала я увидел босса Вивиан. Я знал его по ночным передачам по телевизору. Вивиан позднее объяснила, что он считает себя коллекционером предметов искусства. При этом она сморщила нос, давая понять, что деньги у босса есть, а вкуса нет, что меня не удивило. Его шоу посещали именитые гости, но его коронным шуткам впору было определение «плоские».

Вивиан стояла за спиной босса, вне пределов моей видимости, но, когда он шагнул вперед, чтобы поздороваться с кем-то, я ее увидел. Темные волосы, безупречная кожа, скулы, о которых супермодели могут лишь мечтать, – такой красивой женщины я еще никогда не видел.

Поначалу я думал, что она встречается со своим боссом, но чем дольше я наблюдал за ними, тем больше убеждался: это не так, она просто работает на него. Вдобавок она не носила кольца – еще один хороший знак... но на что я надеялся?

Однако романтик во мне все еще жил, и когда она направилась к бару за коктейлем, я двинулся за ней и тоже подсел к стойке. Вблизи она оказалась еще красивее.

- Так это вы! – воскликнул я.

- Что, простите?..

- Это вас представляют художники «Диснея», когда рисуют глаза своим принцессам.

Да, комплимент так себе. Дурацкий, даже, пожалуй, пошловатый, и в наступившей неловкой паузе я понял, что сглупил. Но она засмеялась.

- Такого от пикаперов я еще не слышала!

- Не для каждой подойдет, – объяснил я. – Я Расселл Грин.

Она, кажется, развеселилась.

- А я – Вивиан Гамильтон.

Я чуть не ахнул.

Ее звали *Вивиан*.

Как героиню Джулии Робертс в «Красотке».

Как вообще человек может понять, что другой ему *подходит*? Какие сигналы этому способствуют? Чтобы встретить человека и сразу подумать: «*Вот с кем я хочу провести остаток своих дней*». Как мне могло показаться, что Эмили и Вивиан мне подходят, если они

разные, как день и ночь? И если отношения с ними абсолютно разные?

Не знаю, но, когда я думаю о Вивиан, мне сразу вспоминается дурманящая страсть первых вечеров, которые мы провели вместе. Если нам с Эмили было тепло и уютно, то с Вивиан мы жарко пылали почти с самого начала отношений. С каждой встречей, с каждым разговором во мне росло убеждение: мы нашли друг в друге именно то, что искали.

Как типичный «женатик», я уже начинал фантазировать, представляя себе нашу совместную жизнь, которую пламенная страсть не покинет никогда. Не прошло и пары месяцев, как я понял, что хочу жениться на Вивиан, хотя пока не говорил ей об этом. Вивиан понадобилось больше времени, чтобы принять такое же решение в отношении меня, но через полгода после нашего знакомства у нас с Вивиан уже *все было серьезно*, и мы прощупывали почву, обсуждая наши взгляды на веру, деньги, политику, семью, отношения с соседями, детей и основополагающие ценности. Как правило, наши взгляды совпадали, и я, почерпнув идею из очередной мелодрамы, сделал предложение на смотровой площадке на крыше Эмпайр-стейт-билдинг в День святого Валентина, за неделю до моего возвращения домой, в Шарлотт.

Мне *казалось*, я знал, к чему стремлюсь, когда вставал на одно колено. Оглядываясь назад, я понимаю, что Вивиан *знала* наверняка – не только то, что я именно тот человек, которого она хотела видеть рядом с собой, но и тот, в ком она *нуждалась*. Семнадцатого ноября 2007 года мы в присутствии друзей и родных связали себя узами брака.

***

Вам, наверное, не терпится узнать, что же произошло дальше.

Как у каждой супружеской пары, у нас были свои взлеты и падения, свои испытания и шансы. А когда страсти немного улеглись, я пришел к убеждению, что брак, по крайней мере теоретически, штука замечательная.

Но с практической точки зрения я, пожалуй, выбрал бы более точное определение – «*заковыристая*».

В конечном счете брак никогда не бывает таким, каким рисует его воображение. Одна половина моего «я», романтическая, всю эту затею наверняка представляла чем-то вроде длинного рекламного ролика открыток «Холлмарк» – с розами и свечами в мягком фокусе, неким измерением, в котором любовь и доверие преодолеют любые испытания. Более практичная половина моего «я» знала: чтобы остаться парой надолго, понадобятся старания обоих. Для этого потребуются ответственность и искренность, компромиссы и смелость в принятии решений. Все потому, что жизни свойственно подкидывать нам крученые мячи именно с тех сторон, с которых мы меньше всего ожидаем их получить. В идеале эти крученые мячи пролетают мимо, почти не причиняя семье ущерба, но бывает и так, что совместное отражение этих хитроумных подач помогает супругам сплотиться.

А иногда крученые мячи со всего размаха ударяют нас в грудь, чуть ли не в сердце, оставляя раны, которые, по-видимому, не заживают никогда.

Глава 3

И что потом?

Быть единственным кормильцем семьи оказалось нелегко. К концу недели я часто был

вымотан, но один вечер пятницы мне запомнился особенно. На следующий день Лондон исполнялся год, а я весь день работал как проклятый над циклом видеоматериалов к распродажам в «Спаннермен недвижимость», одного из крупнейших застройщиков юго-востока страны, а эти видео были задуманы как часть масштабной стратегии быстрого продвижения. Наша компания получила за все свои труды маленькое состояние, поэтому руководство «Спаннермена» придиралось по любому поводу. Жесткие сроки исполнения были установлены для каждого этапа работы над проектом; еще более жесткими они стали по милости самого Спаннермена, капитал которого оценивался в два миллиарда долларов. Каждое изменение требовалось согласовывать с ним лично, и у меня создалось впечатление, что он решил максимально усложнить мне жизнь. В том, что он невзлюбил меня, я нисколько не сомневался. Он был из тех, кто вечно окружает себя красотками – большую часть руководства компании составляли привлекательные женщины, – и само собой разумеющимся считалось то, что Спаннермен и Джесси Питерс прекрасно ладят. Я же, напротив, терпеть не мог ни эту компанию, ни ее хозяина. Он был известен умением ловчить, изворачиваться, особенно когда дело касалось природоохранных законов. В газетах часто появлялись разгромные материалы, в которых ругали и компанию, и ее владельца. Отчасти именно поэтому они обратились в наше агентство – им требовался основательный ребрендинг.

Большую часть того года я посвятил изнурительной работе над заказом Спаннермена, и он стал, безусловно, самым тяжелым в моей жизни. На работу я шел как на каторгу, но, учитывая приятельские отношения между Питерсом и Спаннерменом, держал свое мнение при себе. В конце концов заказ передали другому сотруднику агентства: Спаннермен решил, что над ним должна работать женщина, чем никого не удивил, а я вздохнул с облегчением. Если бы мне пришлось и дальше заниматься тем же заказом, я бы, наверное, не выдержал и уволился.

Джесси Питерс считал бонусы эффективным средством мотивации подчиненных. Несмотря на непрекращающийся стресс, связанный с заказом Спаннермена, я тем не менее ухитрялся получать по максимуму. Иначе я просто не мог. Я всегда чувствовал себя неуютно, если мне было нечего положить на наш сберегательный или инвестиционный счет, а бонусы помогали сохранять нулевым баланс наших кредиток. Вместо того чтобы сократиться, наши ежемесячные расходы выросли, хотя Вивиан и обещала экономить, отправляясь «по делам» – так она начала называть шопинг. Вивиан была не способна зайти в «Таргет» или «Уолмарт» и не потратить как минимум пару сотен долларов, даже если забежала туда за стиральным порошком. Этого я не мог понять и лишь предполагал, что таким образом она пытается заполнить душевную пустоту. А когда я сильно уставал, раздражался и начинал думать, что меня используют. Но попытки обсудить эту проблему с Вивиан зачастую приводили к ссорам. И даже если этого удавалось избежать, все оставалось по-прежнему. Она всегда уверяла меня, что покупает лишь самое необходимое и мне повезло, так как она как раз попала на скидки и воспользовалась ими.

Но вечером той пятницы эти тревоги казались далекими. Я вошел в гостиную, увидел Лондон в манеже, и она одарила меня улыбкой, которая каждый раз заставляла меня умиляться. Вивиан, красивая, как всегда, сидела на диване, листая какой-то журнал по интерьеру и саду. Я поцеловал сначала Лондон, затем Вивиан, и меня окутали ароматы детской присыпки и духов.

Мы поужинали, рассказывая друг другу, как прошел день, а потом приступили к ритуалу подготовки Лондон ко сну. Сначала Вивиан купала и одевала малышку в пижамку, потом я читал ей, как следует укутывал одеялом, и через несколько минут она крепко засыпала.

После я налил себе вина, заметив, что бутылка почти пуста: Вивиан пила скорее всего уже второй бокал. Если первый бокал означал – «шалости» вполне возможны, то второй делал их вполне вероятными, поэтому, несмотря на усталость, я воспрянул духом.

Когда я сел рядом с Вивиан, она по-прежнему листала журнал. Спустя некоторое время она спросила:

- Как тебе эта кухня?

Кухня на снимке была обставлена кремовыми тумбами под столешницами из гранита кофейного оттенка, та же гамма повторялась в отделке навесных шкафчиков. Стол-островок посреди кухни в окружении сияющей ультрасовременной техники – словом, мечта жителя пригорода.

- Роскошно, – признал я.

- Правда? Все в этой кухне – высший класс. А в освещение я влюбилась. Люстра умопомрачительная!

На освещение я поначалу не обратил внимания и наклонился, чтобы рассмотреть.

- Ого! Да, это что-то.

- В статье сказано, что модернизация кухни почти всегда увеличивает стоимость дома. Если мы когда-нибудь решим продать его.

- Зачем нам его продавать? Мне он нравится.

- Я же не говорю, что надо продать его прямо сейчас. Но не будем же мы жить здесь вечно.

Странно, мне никогда в голову не приходило, что у нас когда-нибудь появится другой дом. Ведь мои родители до сих пор жили в доме, где я вырос. Но Вивиан хотелось поговорить не об этом.

- Пожалуй, насчет увеличения стоимости ты права, – кивнул я, – но не уверен, что сейчас мы можем позволить себе заново обставить кухню.

- У нас же есть сбережения.

- Да, но это на черный день.

- Ладно, – вздохнула она, и я отчетливо различил разочарование в ее голосе. – Я же просто так спросила.

Я смотрел, как она осторожно загибает уголок страницы, чтобы потом найти эту фотографию, и чувствовал себя проигравшим. Я терпеть не мог обманывать ее ожидания.

***

Жизнь неработающей мамы устраивала Вивиан.

Даже после рождения Лондон она по-прежнему выглядела лет на десять моложе, и, когда заказывала коктейль, у нее иногда спрашивали документы. Время щадило Вивиан, но это было не самое удивительное в ней. Она всегда казалась мне зрелой и уверенной в себе, в своих

мыслях и мнениях, и в отличие от меня ей всегда хватало смелости говорить то, что она думала. Если ей чего-нибудь хотелось, она заявляла об этом прямо; если ее что-то беспокоило, она никогда не держала эти чувства в себе, даже когда знала, что ее слова могут меня расстроить. Умение оставаться самим собой, не боясь, что окружающие тебя отвергнут, я уважал хотя бы потому, что сам к этому стремился.

Вместе с тем Вивиан была сильной натурой. Перед лицом трудностей она не ныла и не жаловалась – наоборот, превращалась в стойка. За все годы я видел ее плачущей лишь однажды – когда умер Харви, ее кот. В то время она была беременна Лондон, а Харви жил у нее со второго курса, но, несмотря на гормональные всплески, смерть любимца не вызвала у нее истерики. По щекам скатилась лишь пара слезинок.

Можно расценивать как угодно тот факт, что Вивиан не склонна к плаксивости, но плакать ей, в сущности, было не о чем. До сих пор беды обходили нас стороной, а серьезным поводом для расстройства можно было считать лишь то, что Вивиан не удавалось забеременеть во второй раз. Мы начали предпринимать попытки, когда Лондон исполнилось полтора года, но все было безуспешно, и хотя я уже был готов обратиться к специалисту, Вивиан, казалось, хотела, чтобы все шло своим чередом.

Но несмотря на отсутствие второго ребенка, я считал, что мне повезло жениться на Вивиан – отчасти потому, что у нас есть дочь. С ролью матери одни женщины справляются лучше, другие хуже, для Вивиан она была естественной. Она являлась образцом терпения, ответственности и любви, ее не смущали ни понос, ни рвота. Вивиан читала Лондон сотни книг, часами играла с ней, вдвоем они ходили в парки и в библиотеку. Находились у них и другие дела: прогулки с соседскими детьми, подготовка к школе, плановые осмотры у педиатра или дантиста, а это значило, что они всегда были чем-то заняты. Но когда я вспоминаю первые годы жизни Лондон, чаще всего в памяти всплывает выражение безграничной радости на лице Вивиан, держащей малышку за руку или наблюдающей, как она постепенно познает окружающий мир. Однажды восьмимесячная Лондон, сидевшая на высоком стульчике, чихнула. Почему-то ей это показалось забавным, и она рассмеялась. Я сделал вид, что чихаю, и Лондон залилась безудержным смехом. Но если меня этот случай просто умилил, то Вивиан усматривала в нем нечто *большее*. Любовь к нашей дочери затмевала для нее все, даже любовь ко мне.

Всепоглощающая сущность материнства, или, во всяком случае, то, что понимала под ним Вивиан, не только дала мне возможность сосредоточиться на карьере, но и означала, что мне редко приходилось самому заботиться о Лондон, поэтому я понятия не имел, какого труда это требует. Казалось, Вивиан это дается легко, но со временем она начала раздражаться. Обычные домашние заботы отступили на второй план, и я, возвращаясь домой, нередко видел, что вся гостиная завалена игрушками, а в кухонной раковине высится гора грязной посуды. Грязное белье копилось, ковры требовали чистки. И поскольку я всегда терпеть не мог беспорядка в доме, то решил нанять кого-нибудь, кто приходил бы дважды в неделю делать уборку. Когда Лондон начала ходить, я нашел няню, которая три раза в неделю давала Вивиан возможность отдохнуть днем, и сам начал заниматься дочерью утром по субботам, чтобы у Вивиан появилось «личное время». Я надеялся, что у нее будут силы для нас как пары. С моей точки зрения, жена привыкла воспринимать себя как мать, а нас троих – как семью, но роль супруги постепенно стала обременять ее.

Большую часть времени я не тревожился о наших отношениях. Я считал, что мы живем, как большинство супружеских пар с маленькими детьми. Вечерами мы обычно говорили о *житейском*: о детях, работе и семье, что бы съесть и куда бы съездить на выходные, когда

везти машину на техосмотр. И я далеко не всегда чувствовал себя задвинутым на задний план; мы с Вивиан начали приберегать вечера пятницы для свиданий. Даже на работе знали о наших свиданиях, поэтому, если в моем присутствии не было острой необходимости, по пятницам я уходил из офиса сравнительно рано, по пути домой слушая в машине музыку, и, едва шагнув через порог, одаривал домашних улыбкой. Пока Вивиан прихорашивалась, я общался с Лондон, а потом, когда она засыпала, для нас с Вивиан снова наступала пора первых свиданий.

Вивиан подбадривала и смешила меня, когда работа становилась особенно напряженной. В тридцать три года я подумывал сменить свою *респектабельную* гибридную машину на «Мустанг GT», хотя этот обмен и не сказался бы заметно на конечной цене. Но на тот момент это не имело значения. Услышав во время тест-драйва утробный рык мотора, я понял: эту машину будут провожать завистливыми взглядами повсюду, куда бы я ни поехал. Продавец умело сыграл на моем тщеславии, а когда позднее я поделился с Вивиан впечатлениями, она не стала дразнить меня, заявлять, что я еще слишком молод для причуд среднего возраста, или выражать беспокойство о том, что мне захотелось другой жизни. Вместо этого она не мешала мне предаваться фантазиям, а когда я наконец одумался, то купил практически ту же машину: очередной четырехдверный гибрид с вместительным багажником и превосходным уровнем безопасности, согласно «Отчетам для потребителей». И ни разу не пожалел об этом.

Ну, может, и пожалел, но не об этом речь.

И при всем этом я *любил* Вивиан и ни разу, ни на шаг не отступил от убежденности, что хочу быть с ней всю жизнь. В своем желании доказать это я подолгу и старательно обдумывал подарки для нее на Рождество, годовщины, дни рождения, а также на День святого Валентина и на День матери. Я присылал ей цветы без всякого повода, прятал записки под ее подушку, убегая на работу, иногда радовал ее завтраком в постель. Поначалу она ценила эти жесты, со временем они утратили новизну и очарование. И я ломал голову, пытаюсь придумать, чем бы еще удивить ее и дать понять, как много она по-прежнему значит для меня.

В конце концов Вивиан получила ту самую кухню, которую хотела, – как на снимке в журнале.

Вивиан собиралась вновь устроиться на работу, как только Лондон пойдет учиться, – на неполный день, чтобы проводить достаточно времени дома. Она твердила, что у нее нет желания становиться одной из мамаш, которые вечно вызываются наводить порядок в классе или украшать школьный кафетерий к праздникам. Не хотелось ей и торчать в доме, где днем обычно пусто: Вивиан была не только прекрасной матерью. Она с отличием окончила Джорджтаунский университет и, до того, как стала матерью и домохозяйкой, успешно занималась связями с общественностью не только ведущего ток-шоу в Нью-Йорке, но и медиакомпаний, где трудилась перед тем, как родилась Лондон.

Я же со своей стороны не только добивался получения всех возможных бонусов с тех пор, как начал работать в агентстве, но и вырос в должности и к 2014 году уже руководил крупнейшими заказами нашей компании. К тому времени мы с Вивиан были женаты семь лет, Лондон недавно исполнилось пять, а мне – тридцать четыре года. Мы не только заново обставили кухню в нашем доме, но и строили планы по ремонту и отделке спальни. Фондовый рынок благоволил к нашим инвестициям, особенно к «Эппл», нашему крупнейшему капиталовложению, и, за исключением ипотеки, долгов у нас не имелось. Я боготворил свою жену и ребенка, мои родители жили поблизости, моя сестра и Лиз были моими лучшими друзьями. Жизнь казалась сказкой.

Но в глубине души я понимал, что это ложь.

В компании сложилась ситуация, в которой никто из подчиненных Джесси Питерса не был уверен в том, что удержится на рабочем месте, и потому не чувствовал себя комфортно. Питерс основал рекламное агентство двадцать лет назад; с филиалами в Шарлотте, Атланте, Тампе, Нашвилле и Нью-Йорке, оно, бесспорно, было крупнейшим из расположенных на Юго-Востоке. Голубоглазый, поседевший чуть ли не в двадцать лет, Питерс славился изворотливостью и жестокостью; от конкурентов он избавлялся, либо переманивая их клиентов, либо снижая цены, а если эти стратегии оказывались неэффективными, он просто выкупал конкурирующие компании. Благодаря успехам его и без того внушительное самомнение разрослось и достигло масштабов мании величия, а его стиль управления полностью соответствовал особенностям его характера. Он был на все сто уверен в своей правоте, выделял любимчиков из числа подчиненных, стравливал начальников отделов и тем самым умело держал в напряжении всех и каждого. Он поощрял атмосферу, в которой сотрудники только и делали, что пытались требовать больше признания, чем заслуживали, сваливая любые недочеты и ошибки на конкурентов. Словом, это был социальный дарвинизм в особо жестокой форме, в условиях которого лишь у немногих избранных имелся шанс на выживание.

К счастью, на протяжении более чем десяти лет меня чаще всего обходили стороной интриги, которые не раз становились причиной нервных срывов руководящего персонала компании: поначалу поводом было мое скромное положение, а позднее – то, что я приводил клиентов, которые ценили мою работу и платили компании соответственно. Со временем я убедил сам себя, что поскольку приношу Питерсу кучу денег, он считает меня слишком ценным сотрудником, чтобы изводить. Ведь Питерс и впрямь был не настолько суров со мной, как с остальными. Если со мной он останавливался поболтать, случайно столкнувшись в коридоре, то другие начальники отделов, в том числе обладающие богльшим опытом, чем я, нередко истерзанные выползали из кабинета Питерса. Наблюдая за ними, я испытывал облегчение и, пожалуй, толику самоуважения, радуясь, что со мной ничего подобного не случается.

Но в своих предположениях я ошибался буквально во всем. Мое первое крупное повышение совпало по времени с моей женитьбой на Вивиан, второе произошло через две недели после того, как Вивиан заехала ко мне в офис, чтобы оставить машину после поездки за покупками: этот визит мог обернуться катастрофой, но в тот раз мой босс сначала составил нам компанию у меня в кабинете, а потом повез нас обедать. Третьего повышения я дождался меньше чем через неделю после того, как Питерс и Вивиан проговорили три часа подряд на званом ужине, устроенном одним из клиентов. Лишь по прошествии времени стало ясно, что результативностью моей работы Питерс интересовался гораздо меньше, чем Вивиан. Именно эта простая истина на протяжении всего времени моей работы объясняла, почему он не отыгрывался на мне. Надо отметить, что Вивиан поразительно похожа на обеих бывших жен Питерса, и я подозревал, что ему ни о чем не мечтается так, как проводить с ней время или, если представится случай, жениться в третий раз, не поступившись моим браком.

Я не шучу. И не преувеличиваю. Всякий раз, разговаривая со мной, Питерс не упускал возможности спросить, как дела у Вивиан, сделать комплимент ее красоте, осведомиться, чем *мы* занимаемся. На ужинах с клиентами – то есть три или четыре раза в год – Питерс неизменно находил способ сесть рядом с моей женой, и на каждом рождественском корпоративе можно было увидеть, как они беседуют где-нибудь в уголке. Наверное, я смотрел бы на все это сквозь пальцы, если бы не реакция Вивиан на явную привлекательность Питерса. Она ничем не поощряла его к ней отношения, но и не пыталась *осадить*, а принимала знаки внимания. Каким бы кошмарным боссом ни был Питерс, он умел обходиться с женщинами, особенно с такими красивыми, как Вивиан. Он слушал, и смеялся, и делал тонкие комплименты в нужный момент, и, поскольку вместе с тем он был богат, как Мидас, я думал:

вполне возможно, что Вивиан льстит его интерес. Она воспринимала его как должное. Мальчишки соперничали за ее внимание с начальных классов школы, и она к этому привыкла. Ей не нравилось другое – то, что иногда это внимание вызывало у меня ревность.

В декабре 2014 года, за месяц до начала самого злополучного года моей жизни, мы готовились к ежегодному рождественскому корпоративу нашего агентства. Когда я признался, что сложившееся положение меня тревожит, она тяжело вздохнула.

- Не бери в голову, – сказала она.

Я был в недоумении, почему моя жена ни во что не ставит мои чувства.

Перемотаем пленку чуть дальше в наше с Вивиан прошлое.

Материнство стало для Вивиан наградой, но брак со мной отчасти утратил свое очарование. Помню, я часто размышлял, как изменилась Вивиан за годы, которые мы прожили вместе, а в последнее время осознал: она не менялась, а эволюционировала, в большей мере проявлялись качества человека, которым она была с самого начала и которого мало-помалу я начал воспринимать как чужого.

Эти изменения были едва заметны. В первый год жизни Лондон я мирился с переменчивостью настроений и раздражительностью Вивиан как с нормальным явлением, чем-то само собой разумеющимся, с этапом, который в конце концов завершится. Постепенно я привык к нему, не реагировал даже на пренебрежение со стороны жены. Но этот этап все не кончался. В последующие несколько лет Вивиан все чаще злилась и раздражалась и относилась к моим заботам все презрительнее. Зачастую ее злили даже мелочи, она швырялась оскорблениями, которые мне и в голову бы не пришло произнести даже шепотом. Ее агрессия была стремительной и точной, обычно направленной на то, чтобы вынудить меня извиниться и пойти на попятную. Я не выносил конфликтов и, как бы сильно ни был оскорблен, почти всегда отступал, стоило ей только повысить голос.

Последствия вспышек ее гнева обычно оказывались еще страшнее, чем сами вспышки и нападки. Казалось, заслужить прощение невозможно, и вместо того, чтобы выяснить отношения или просто предать ссору забвению, Вивиан уклонялась от разговоров. Она или не говорила со мной вообще, или на протяжении нескольких дней отвечала на любые вопросы сухо и односложно. Все ее внимание доставалось Лондон, а уложив ее, Вивиан сразу же уходила в спальню, оставляя меня сидеть в гостиной в одиночестве. В такие дни она буквально излучала презрение, заставляя невольно задумываться, любит ли она меня еще или нет.

В ее поведении присутствовал элемент непредсказуемости, правила внезапно менялись. Вивиан становилась то прямолинейной и откровенной в своем гневе, то пассивно-агрессивной – по настроению. Требования, которые она предъявляла ко мне, постепенно теряли четкость, и в половине случаев я понятия не имел, что надо делать и чего не надо, когда пытался осмыслить случившееся и разобраться, чем именно я разозлил ее. Однако она не только не объясняла мне, но и отрицала наличие проблемы или же обвиняла меня в чрезмерно бурной реакции. Очень часто у меня возникало ощущение, будто я иду по минному полю, рискуя и собственным эмоциональным состоянием, и нашим браком... и вдруг по причинам, которые опять-таки оставались для меня загадкой, наши отношения вновь становились *нормальными*. Вивиан спрашивала, как прошел мой день, интересовалась, что я хотел бы съесть на ужин, а после того, как Лондон засыпала, мы занимались любовью – знак того, что меня наконец простили. И я вздыхал с облегчением, надеясь, что теперь все пойдет так, как и должно быть.

Вивиан отвергла бы мою версию этих событий, или, по крайней мере, то, как я истолковал их. Отвергла бы со злостью. Или заявила бы, что ее поступки и поведение – реакция на мои действия, добавив, что мои представления о браке оторваны от реальности, медовый месяц не будет длиться всю жизнь, это попросту невозможно. Она утверждала, что я тащу рабочие проблемы домой, что это у меня вечные перепады настроения, что у нее есть возможность сидеть дома, и я часто выплескиваю на нее свою обиду и раздражение.

Но какая бы версия событий ни являлась объективно правильной, в глубине души я больше всего хотел, чтобы Вивиан была счастлива. А точнее – *счастлива со мной*. Ведь я по-прежнему любил жену, мне недоставало ее улыбок и смеха, наших разговоров обо всем и ни о чем и того, как раньше мы держались за руки. Я скучал по той Вивиан, которая заставила меня поверить, что я мужчина, достойный ее любви.

И все равно, за исключением свиданий в пятницу вечером, наши отношения продолжали постепенно эволюционировать и превращаться в то, что я не всегда хотел принимать. Пренебрежение Вивиан начало *ранить* меня. Большую часть этих лет я был разочарован в самом себе за то, что не оправдывал ее ожиданий, и клялся стараться изо всех сил, лишь бы ее порадовать.

А теперь – быстрая перемотка вперед, к вечеру рождественского корпоратива.

- Не бери в голову, – сказала мне Вивиан, и эти слова звенели у меня в ушах, пока я одевался. Они звучали резко, пренебрежительно, без тени сочувствия. Но несмотря на это, вечер запомнился мне прежде всего тем, что Вивиан выглядела эффектнее, чем обычно. Она выбрала черное коктейльное платье, туфли-лодочки и бриллиантовую подвеску, которую я подарил ей на прошлый день рождения. Волосы ниспадали на плечи, и, когда она вышла из ванной, все, что я мог, – смотреть на нее с наслаждением.

- Прекрасно выглядишь, – едва выговорил я.

- Спасибо.

В машине между нами по-прежнему ощущалось напряжение. Мы неловко попытались затеять разговор ни о чем, и когда Вивиан поняла, что тему Питерса я больше поднимать не намерен, то понемногу оттаяла. К моменту прибытия на вечеринку казалось, что мы заключили безмолвное соглашение делать вид, будто моего замечания и ее ответа на него не было.

Тем не менее она прислушалась. Слегка раздраженная, как всегда, Вивиан весь вечер буквально ни на шаг не отходила от меня. Питерс трижды останавливался поболтать с нами и дважды спрашивал Вивиан, не желает ли она что-нибудь выпить – явное предложение составить ему компанию у стойки бара, – но оба раза она качала головой и говорила, что уже сделала заказ официанту. Объяснения звучали вежливо и дружелюбно, и я невольно задумался, не придаю ли я слишком большое значение ситуации с Питерсом. Пусть флиртует с Вивиан сколько угодно, но когда кончится вечеринка, она уедет домой со мной, а разве не это самое главное?

В целом корпоратив прошел не лучше и не хуже всех прочих и быстро стерся из памяти. А когда мы вернулись домой и отпустили приходящую няню, Вивиан попросила налить ей вина и сходить в детскую проведать Лондон. Вернувшись в спальню, я увидел зажженными свечи, сексуальное белье на Вивиан и...

В этом была вся Вивиан: попытки угадать, как она поступит в следующую минуту, чаще всего

оказывались бессмысленными. Даже по прошествии семи лет ей удавалось заставить меня врасплох, порой удивительно приятным способом.

Грубейшая ошибка.

Именно так я мысленно называю теперь этот вечер, по крайней мере, когда речь идет о моей карьере в рекламном агентстве.

Оказалось, Джесси Питерс недоволен тем, что Вивиан избегает его. И на следующей неделе между нами стал ощущаться холод. Поначалу не явный. Встретившись со мной в коридоре в первый же понедельник после корпоратива, он прошел мимо, кивнув, а во время рабочего совещания через несколько дней задавал вопросы всем, кроме меня. Эти мелкие, но тревожные сигналы продолжались, но поскольку я с головой зарылся в очередную непростую рекламную кампанию – для банка, который требовал, чтобы стержнем кампании была целостность, но с ощущением *новизны*, – задумываться о них я не мог. Потом начались праздники, а поскольку в начале нового года в офисе всегда царила легкая неразбериха, лишь в конце января до меня вдруг дошло, что последние по меньшей мере шесть недель Джесси Питерс со мной почти не разговаривал. Тогда я сам начал заглядывать к нему, но всякий раз его секретарь сообщал, что Питерс или говорит по телефону, или занят. Всю глубину его недовольства мной я осознал только в середине февраля, когда он наконец нашел время встретиться со мной. Точнее, он *вызвал* меня к себе через своего секретаря, а это, в сущности, означало, что выбора у меня нет. Наша компания потеряла крупного клиента, автомобильного дилера с восемью торговыми точками по всей территории Шарлотта, а его заказы обычно вел я. После того как я изложил ему причины, по которым, как мне казалось, клиент предпочел другое агентство, он впился в меня острым взглядом. Еще более зловещим знаком стало то, что он ни словом не упомянул Вивиан. Из его кабинета я вышел, чувствуя себя так, как коллеги, на которых я раньше смотрел свысока, – те самые, вечно балансирующие на грани нервного срыва. У меня вдруг возникло щемящее чувство, что мои дни в «Питерс Групп» сочтены.

Еще труднее было смириться с тем, что тот клиент, автодилер, мужчина лет под семьдесят, ушел не из-за моего просчета или упущения. Я видел и печатные материалы, и видеоролики, сделанные для него нашим агентством, и до сих пор считаю наши идеи креативными и действенными. Но клиенты непостоянны. Спад в экономике, смена руководства и просто желание на время сократить издержки – все приводит к переменам, затрагивающим нашу сферу, а иногда эти перемены не имеют никакого отношения к бизнесу. В некоторых случаях клиент разводился, и ему требовались деньги для выплаты отступных. Сокращение расходов на рекламу на ближайшие полгода позволяло ему сэкономить шестизначную сумму. На счету каждый цент, поскольку его жена наняла хорошего адвоката. Судебные издержки росли, как и размеры предполагаемых отступных. Клиенту приходилось урезать себя во всем, и Питерс это знал.

Месяц спустя, когда от сотрудничества с нами отказался еще один клиент, сеть клиник неотложной помощи, недовольство Питерса мной стало еще очевиднее. Этот клиент не входил в число крупных – честно говоря, не тянул даже на среднего, – а то, что я с начала года подписал контракты с тремя новыми клиентами, по-видимому, ничего не значило для моего босса. Он снова вызвал меня к себе и заявил, что я, должно быть, *«теряю хватку»* и *«клиенты, наверное, перестают доверять»* мне. Завершая совещание не точкой, а восклицательным знаком, он вызвал к себе Тодда Хенли и объявил, что отныне мы с ним *«работаем вместе»*. Хенли считался перспективным сотрудником, проработал в агентстве пять лет, и хотя с фантазией у него было неплохо, что он умел по-настоящему, так это

ориентироваться в мутной офисной политике. Я знал, что он нацелился на мою должность - и не он один, но в этой группе Тодд был первым подхалимом. Когда он вдруг начал все чаще пропадать в кабинете Питерса - несомненно, приписывая себе успех каждой рекламной кампании, над которой мы работали вместе, - и выходить оттуда с самодовольной ухмылочкой, я понял: пора строить план отступления.

Мой опыт, должность и нынешняя зарплата практически не оставляли мне выбора. Поскольку Питерс господствовал в рекламной индустрии Шарлотта, мне предстояло раскинуть сети пошире. В Атланте Питерс держался на второй строчке рейтинга и неуклонно расширял сферу влияния, поглощая мелкие агентства и привлекая новых клиентов. Нынешний лидер рынка недавно пережил две смены руководства и теперь временно перестал нанимать персонал. Затем я обратился в компании Вашингтона, Ричмонда и Балтимора, думая, что переезд поближе к родителям Вивиан примирит ее с необходимостью покинуть Шарлотт. Но даже до собеседований дело так и не дошло.

Конечно, имелись и другие возможности. Все зависело от того, насколько далеко я готов уехать из Шарлотта, и я попытал счастья еще в семи или восьми компаниях на Юго-Востоке и Среднем Западе. Но с каждым новым звонком я все отчетливее понимал, что не хочу уезжать. В Шарлотте мои родители, здесь Мардж и Лиз, Шарлотт - мой дом. И тогда идея основания собственного бизнеса, небольшого рекламного агентства-бутика, начала возрождаться из пепла, как мифический феникс. А это, понял я, не что иное как идеальное название...

«Агентство «Феникс». Небывалый взлет вашего бизнеса».

Я сразу же представил этот слоган на визитках, в воображении я видел, как беседую с клиентами, и когда заехал к родителям в следующий раз, словно невзначай упомянул о своей идее отцу. Он с ходу заявил, что она неудачная; Вивиан тоже была от нее не в восторге. Я держал жену в курсе своих поисков работы, а когда поделился мыслью о собственном агентстве «Феникс», она предложила попытать удачу в Нью-Йорке и Чикаго - там, куда, по моему, даже соваться не стоило. Но просто взять и отказаться от мечты я не мог и уже начинал мысленно оценивать все ее плюсы и минусы.

Работая в одиночку, я сумею избежать лишних затрат.

Я близко знаком с высшим руководством всех компаний Шарлотта.

В своем деле я ас.

Поскольку у меня будет компания-бутик, я смогу ограничиться обслуживанием лишь нескольких из них.

Я мог бы запрашивать с клиентов меньше и зарабатывать больше.

Тем временем в офисе я занялся подсчетами и прогнозами. Я обзванивал клиентов, спрашивал, довольны ли они услугами и ценами в «Питерс Груп», и полученные ответы подкрепили мою веру в то, что все получится. А Хенли тем временем старательно топил меня и всякий раз сбрасывал со счетов. Питерс уже начинал срывать на мне.

Тогда я и понял, что Питерс скоро меня уволит, а это значило, что мне ничего другого не остается, кроме как пуститься в одиночное плавание.

Осталось последнее - объявить о своем решении Вивиан.

Что могло быть лучше, чем отпраздновать мой будущий успех на нашем традиционном свидании в пятницу вечером?

Да, я мог выбрать любой другой день, но мне хотелось поделиться своим душевным подъемом с Вивиан. Я ждал поддержки с ее стороны. Мечтал рассказать ей о своих планах и увидеть, как она потянется через стол, возьмет меня за руки и скажет что-нибудь вроде: *«Ты себе представить не можешь, как долго я ждала, что ты наконец решишься! Я несколько не сомневаюсь, тебя ждет успех. Я всегда верила в тебя»*.

Примерно год спустя, когда я признался Мардж, что надеялся услышать тем вечером, она чуть не лопнула от смеха.

- Так, давай-ка разберемся, - сказала она мне, когда перестала смеяться. - Ты одним махом лишил ее ощущения стабильности, заявив, что собираешься перевернуть всю вашу жизнь, и при этом искренне ждал от нее одобрения и похвалы? Господи, у тебя ведь ребенок. Да еще и ипотека. И другие расходы. Ты что, спятил?

- Но...

- Нет тут никаких «но», - перебила сестра. - Тебе известно, что я далеко не всегда соглашаюсь с Вивиан, но тем вечером она оказалась права.

Может, в словах Мардж и был смысл, но все мы смотрим на ситуацию со своей стороны. А тем вечером, после того, как мы уложили Лондон спать, я приготовил на гриле стейки - в сущности, только их я и умел как следует делать, - пока Вивиан порезала салат, отварила на пару брокколи и обжарила стручковую фасоль с миндальными хлопьями. Кстати, Вивиан никогда не прикасалась к углеводам, которые обычно называют вредными - хлеб, мороженое, паста, сахар и все, что содержит пшеничную муку, - а я считал все это вкусным и ни в чем не отказывал себе за обедом, потому, наверное, и наел заметные бока.

Но ужин с самого начала получился напряженным. Моя попытка вести себя легко и непринужденно лишь насторожила Вивиан, она словно готовилась к тому, что будет дальше. Вивиан всегда легко читала мои мысли, как Моисей - заповеди. Видя ее нарастающее недовольство, я старался развеять его, и от этого она словно каменела.

Я дождался, когда ужин будет подходить к концу. Вивиан съела половину своего стейка, я долил ей вина и завел разговор о Хенли, Питерсе и о том, что меня, кажется, скоро уволят и я хочу открыть свое дело. Она только кивала, поэтому я собрался с духом и принялся излагать свои планы, перечислять все до единой причины такого решения и делать прогнозы. Я не мог не заметить, что она сидит как изваяние. Абсолютно неподвижно, и даже не смотрит на свой бокал с вином. Она так ни о чем и не спросила, даже когда я закончил. Молчание заполнило комнату, эхом отражаясь от стен.

- А ты уверен, что мысль удачная? - наконец произнесла Вивиан.

Это было отнюдь не радостное одобрение, на которое я рассчитывал, но и не взрыв возмущения, и я счел это добрым знаком. Наивный.

- Вообще-то, - признался я, - мне до смерти страшно, но если я не решусь сейчас, то не решусь уже никогда.

- А ты не слишком молод для открытия собственного агентства?

- Мне тридцать пять. Когда Питерс основал свое, ему было всего тридцать.

Она поджала губы, и я услышал ее невысказанное возражение: «Но ты не Питерс». К счастью, она промолчала. Вместо этого Вивиан нахмурилась.

- А ты хоть знаешь, как это - основать собственное агентство?

- Так же, как открыть любую другую компанию, а люди постоянно это делают. В конечном счете все сводится к заполнению необходимых бумаг, поиску хорошего юриста и бухгалтера и обустройству офиса.

- И сколько времени на это понадобится?

- Может, месяц? Но как только у меня появится офис, я сразу же начну подписывать контракты с клиентами.

- Если они решат обратиться к тебе...

- Клиентов я найду, - сказал я. - Об этом я даже не беспокоюсь. Питерс дерет с них втридорога, а с некоторыми из этих клиентов я проработал много лет. Уверен, они перейдут ко мне, как только представится случай.

- И все-таки какое-то время ты не будешь зарабатывать.

- Нам просто придется немного сократить расходы. Например, отказаться от приходящей уборщицы.

- Ты хочешь, чтобы я сама убирала в доме?

- Я помогу, - заверил я.

- Само собой, - отозвалась она. - И где ты возьмешь деньги на бизнес?

- Я думал воспользоваться частью наших инвестиций.

- наших инвестиций? - переспросила она.

- Денег у нас достаточно, чтобы прожить целый год.

- Год? - Эхом повторила она.

- Даже в случае полного отсутствия доходов, - заверил я. - А этого я не допущу.

Она кивнула.

- Полное отсутствие доходов, значит.

- Понимаю, сейчас нам страшно, но в конце концов мы убедимся, что все было не зря. И твоя жизнь несколько не изменится.

- Ты хочешь сказать - за исключением того, что мне придется стать твоей прислугой.

- Я вовсе не то хотел...

Она прервала меня:

- Питерс не станет сидеть сложа руки и восхищаться твоей смелостью. А если он поймет, что ты пытаешься переманить у него клиентов, он пойдет на все, лишь бы убрать тебя из бизнеса.
- Пусть только попробует, - заявил я. - В конечном счете все решают деньги.
- У него их больше.
- Я говорю про деньги клиентов.
- А я - про деньги для нашей семьи, - парировала она, и ее голос стал резким. - А как же мы? Как же я? И ты считаешь, что я смирюсь? Ведь у нас ребенок!
- И что мне теперь, просто взять и отказаться от своей мечты?
- Не строй из себя мученика. Я этого терпеть не могу.
- Ничего я не строю. Просто пытаюсь обсудить...
- Ничего подобного! - Она повысила голос. - Ты ставишь меня перед фактом, не думая о том, что твое решение не может принести ничего хорошего нашей семье!

Я выдохнул, чтобы голос звучал ровнее.

- Я уже объяснил тебе: Питерс наверняка уволит меня, а другой работы нет.
- А ты пытался поговорить с ним?
- Конечно, пытался.
- Ну да, как же.
- Ты мне не веришь?
- Только отчасти.
- В чем же именно?

Она бросила салфетку на свою тарелку и вскочила.

- В том, что ты намерен поступить так, как считаешь нужным, пусть даже во вред нам и нашему ребенку!
- По-твоему, мне нет дела до нашей семьи?

Но она уже выбежала из-за стола.

В ту ночь я спал в комнате для гостей. И хотя Вивиан сохраняла вежливый тон, односложно отвечая на мои вопросы, в следующие три дня она со мной не разговаривала.

***

Как бы Мардж ни поддерживала меня во времена моей юности и как бы усердно ни делилась мудростью, в подростковом возрасте необходимость нянчиться со мной ее раздражала. Она начала часами висеть на телефоне, а мне в итоге приходилось помногу смотреть телевизор. Не скажу за других, но лично я многому из того, что понимаю в рекламе, научился, просто глядя в

телевизор и впитывая знания. Я не изучал рекламное дело в университете, меня не консультировали старшие и более опытные коллеги в агентстве, поскольку добрая половина из них с подачи Питерса тратила творческую энергию на попытки препятствовать карьерному росту другой половины. Бросившись в работу, как в омут головой, и не зная, как поступать, я выслушивал пожелания клиентов, нырял за идеями в колодец моих воспоминаний и возвращался с новыми версиями давних рекламных роликов.

Конечно, не все было так просто. Роликами для телевидения реклама не исчерпывается. За годы я успел сгенерировать немало броских слоганов для печатной рекламы и уличных щитов, писал сценарии роликов и информационных материалов, помогал обновлять сайты и разрабатывать конкурентоспособные кампании в социальных сетях, был частью команды, которая определяла степень приоритетности в интернет-поисковиках и в баннерной рекламе, ориентированной на конкретные почтовые индексы, уровень дохода и образования. А для одного клиента я разработал и внедрил кампанию с применением рекламы на кузовах грузовиков. Практически вся эта работа осуществлялась силами разных отделов в офисе Питерса, но в условиях самостоятельной работы мне предстояло самому выполнять все пожелания клиента, и если я знал, что в каких-то областях силен, то в других был определенно слабее, особенно когда доходило до технической стороны вопроса. К счастью, в этой сфере я проработал достаточно долго, чтобы знать подрядчиков, оказывающих услуги, которые могли мне понадобиться, и постепенно наладил с ними контакт.

Я не соврал Вивиан, утверждая, что вопрос привлечения клиентов меня несколько не тревожит, но, к сожалению, допустил ошибку. Такова ирония судьбы. Я забыл спланировать рекламную кампанию для собственного бизнеса. Мне следовало потратить больше денег на разработку качественного сайта и создание рекламных материалов, которые давали бы понять, какую фирму я намерен создать, а не только то, что я строю ее с нуля. Надо было составить хотя бы несколько хороших рассылок для почты, которые побудили бы клиентов обратиться ко мне.

Но вместо этого весь май я потратил на проработку инфраструктуры, которая способствовала бы моему успеху. Пользуясь днями отпуска, я нанял юриста и бухгалтера и подготовил необходимые учредительные документы. Я арендовал офис с общим администратором в приемной. Закупил часть офисного оборудования, остальное взял в аренду, обеспечил свой офис всеми возможными расходными материалами. Я читал книги о том, как начать свой бизнес, и в каждой подчеркивалась важность капитальных вложений. В середине мая, за две недели до увольнения из компании, я подал заявление об уходе. Если что-то и омрачало мою радость, то это лишь факт, что я недооценил начальные затраты на организацию и запуск в работу, не учтя обычные расходы по счетам, которые продолжали поступать и требовали оплаты. Бездоходный год, о котором я говорил Вивиан, сократился до девяти месяцев.

Ну и пусть. Наступил июнь, пришло время официально открывать агентство «Феникс». Я разослал клиентам, с которыми работал раньше, письма с перечислением предлагаемых услуг, обещанием значительного сокращения расходов на рекламу и надеждой, что они обратятся ко мне. Я принялся делать звонки и выстраивать расписание потенциальных встреч в ожидании, когда зазвонит телефон.

Глава 4

Лето тревоги моей

В последнее время я пришел к убеждению, что появление в семье ребенка меняет наше

ощущение времени, перемешивает прошлое с настоящим, словно миксер. Всякий раз, когда я смотрел на Лондон, прошлое выступало на первый план в моих мыслях, мной завладевали воспоминания.

- Почему ты улыбаешься, папа? - спрашивала Лондон.

- Потому что думаю о тебе, - отвечал я и представлял ее младенцем, спящим у меня на руках, видел ее первую улыбку-откровение и даже то, как она впервые перевернулась в кроватке. Ей было чуть больше пяти месяцев, я дал ей поспать лежа на животе, пока Вивиан ходила на йогу. Когда же Лондон проснулась, я не сразу сообразил, что она лежит уже не на животе, а на спине и улыбается мне.

Бывало, что я вспоминал ее годовалой и словно наяву видел, как осторожно она ползала или училась вставать, держась за стол. Помню, как я вел ее за руку и мы вышагивали туда-сюда по коридору, прежде чем она наконец смогла ходить самостоятельно.

Однако я многое пропустил. К примеру, пропустил ее первое слово, а когда у Лондон выпал первый молочный зуб, меня вообще не было в городе. Я не видел, как она впервые попробовала детское пюре из баночки, но все равно радовался, когда наконец увидел. Ведь для меня это происходило впервые.

Но увы, было и много того, чего я не помню. Когда именно первые робкие шаги Лондон стали уверенной поступью? Как произошел переход от первого слова к способности изъясняться короткими предложениями? Эти моменты постепенных, но неумолимых достижений теперь слились в памяти, и порой кажется: стоило мне только отвернуться на секунду, как я обнаруживал совершенно новую Лондон.

В какой момент изменились ее комната, занятия и игрушки? Представить себе детскую я могу в мельчайших подробностях, вплоть до бордюра в желтых утятах на обоях. Но когда кубики и плюшевые гусеницы перекочевали в ящик, который теперь стоит в углу? Когда в этой комнате появилась первая Барби, как Лондон начала представлять себе ее удивительную жизнь во всех подробностях - до одежды, в которой Барби полагается хозяйничать на кухне? Когда Лондон начала превращаться из «дочурки по имени Лондон» в «Лондон, мою дочь»?

Иной раз я ловлю себя на мысли, что тоскую по младенцу и начинающей ходить малышке, которую я когда-то знал и любил. Теперь ее вытеснила девчушка, которая имеет твердое мнение насчет собственной прически, просит маму разрешить ей покрасить ногти и вскоре начнет проводить бо́льшую часть дня в школе под присмотром учительницы, с которой мне еще только предстоит познакомиться. В последнее время у меня возникает желание повернуть время вспять, чтобы как следует прочувствовать первые пять лет жизни Лондон: я приходил бы домой пораньше, чаще играл бы с ней, сидя на полу, с восторгом наблюдал бы вместе с ней за порхающими бабочками. Мне хочется, чтобы Лондон знала, сколько радости она принесла в мою жизнь, хочется объяснить, что я старался ради нее как мог. Чтобы она поняла: хотя мать и была всегда рядом с ней, я любил ее настолько сильно, насколько отец способен любить дочь.

Почему же тогда, задумываясь я порой, мне кажется, будто этого недостаточно?

Телефон не звонил.

Ни в первую неделю, ни во вторую, ни даже в третью. Я встретился с более чем десятком

потенциальных клиентов, все они поначалу заинтересовались моим предложением, но телефон в моем офисе упорно продолжал молчать. Хуже того, месяц уже близился к концу, но ни у кого из них не нашлось времени для новой встречи со мной. А когда я снова пытался связаться с ними, их секретари просили меня больше не звонить.

Питерс.

Его следы были повсюду, и мне уже в который раз вспомнилось предостережение Вивиан: *«Если он поймет, что ты пытаешься переманить у него клиентов, он пойдет на все, лишь бы убрать тебя из бизнеса».*

К началу июля я был подавлен и встревожен. Положение усугубляла недавняя выписка по кредитке. Видимо, Вивиан со всей серьезностью восприняла мои слова о том, что ее жизнь нисколько не изменится, и теперь бегала *«по делам»*, словно сорвалась с цепи, а поскольку я уволил уборщицу, в доме постоянно царил хаос. После работы я не меньше часа метался по дому, хватался за стирку, пылесос, уборку на кухне. Меня не покидало ощущение, что Вивиан расценивает мою необходимость заниматься домашними делами – и выписки по кредитке – как своего рода заслуженную кару.

С тех пор, как я занялся собственным бизнесом, наши разговоры стали поверхностными. Я почти не рассказывал о том, как идут дела, она вскользь упомянула однажды, что наводит справки о работе на неполный день. Мы говорили о своих родных и перекидывались ничего не значащими фразами о друзьях и соседях. Но чаще всего разговор сводился к Лондон – эта тема всегда была наиболее безопасной. Мы оба чувствовали, что малейшей обиды или неосторожного слова хватит, чтобы вспыхнула ссора.

Четвертое июля [2] выпало на субботу, и я ни о чем не мечтал так, как расслабиться в этот день и снять стресс. Мне хотелось на время забыть о проблемах с деньгами, счетами и клиентами, игнорирующими мои звонки; хотелось, чтобы умолк тихий голос в моей голове, непрестанно повторяющий, не взять ли мне подработку или не возобновить ли поиск работы в других городах. Чего я хотел, так это на день сбежать из мира взрослых, завершив праздничные выходные романтичным вечером с Вивиан, чтобы возродить чувство, что она по-прежнему верит в меня.

Но праздник праздником, а субботнее утро всегда было «личным временем» Вивиан, и вскоре после пробуждения она ушла на йогу, а оттуда – в тренажерный зал. Я накормил Лондон хлопьями, и мы вдвоем отправились в парк; днем мы втроем побывали на празднике в нашем районе. Для детей были организованы игры, Вивиан болтала с другими мамочками, а я выпил пару бутылок пива в компании папаш. Никого из них я толком не знал. Как и я до недавнего времени, они работали допоздна, и, слушая их рассказы, я постепенно вернулся к мысли о моем финансовом фиаско.

Позднее, когда в небе над бейсбольным стадионом «Боллпарк» расцвели фейерверки, я продолжал ощущать сильное напряжение.

В воскресенье лучше мне не стало.

Я надеялся, что смогу расслабиться, но после завтрака Вивиан объявила, что ей *«надо по делам»* и ее долго не будет дома. Ее тон, небрежный и в то же время вызывающий, ясно свидетельствовал, что она уходит на целый день и готова стоять на своем.

Я не хотел. С недовольством я смотрел, как она садится в свой внедорожник, и размышлял не

только о том, как бы продержаться самому, но и чем развлекать все это время Лондон. В этот миг я вспомнил слоган, который придумал в первый год своей карьеры в рекламном агентстве: *«Когда вы в беде и вам нужен хоть кто-нибудь, кто встанет на вашу сторону...»*

Слоган предназначался для адвоката, специализирующегося на делах о нанесении телесных повреждений, и хотя коллегия подвергла его дисциплинарному взысканию и лишила лицензии, этот ролик вызвал приток в нашу фирму местных адвокатов, которым требовались рекламные услуги. За все эти заказы отвечал я, ко мне обращались, когда речь шла о рекламе юридических услуг. В результате Питерс заработал кучу денег. Пару лет спустя в «Шарлотт Обзервер» появилась статья, в которой отмечалось, что агентство «Питерс Груп» снискало в мире рекламы славу *«назойливого адвоката, бегущего за «скорой помощью» с предложением услуг пострадавшему»*, и руководителей нескольких банков и агентств недвижимости это сравнение покорило. Питерс нехотя свернул сотрудничество с частью клиентов, а годы спустя порой сетовал, что его принудили к этому те же банки, которые он без проблем использовал, по крайней мере, когда речь шла о выставлении счетов за рекламные услуги.

Итак, *я в беде, и мне нужен хоть кто-нибудь, кто встанет на мою сторону...* и я принял спонтанное решение навестить своих родителей.

Если и они не встанут на мою сторону, значит, я в беде.

Я с трудом могу представить себе мою маму без фартука. По-моему, она убеждена, что фартук в домашних условиях – такой же обязательный предмет женского гардероба, как бюстгальтер или трусы. Взрослея, мы с Мардж видели ее в фартуке, когда спускались к завтраку; она надевала его сразу же, как только входила в дом после работы, и не снимала еще долгое время после того, как заканчивался ужин и на кухне был наведен порядок. На мои вопросы, зачем ей фартук, она отвечала, что ей нравятся карманы, или что в нем ей теплее, или что она, решив выпить чашку кофе без кофеина, может не опасаться пролить его на одежду.

Лично я считаю, что это просто причуда, однако благодаря ей проще простого выбирать маме подарки на Рождество и день рождения. С годами коллекция фартуков мамы неуклонно растет. У нее есть фартуки всех цветов, длин и фасонов, для всех времен года, фартуки с лозунгами, фартуки, которые мы с Мардж сами шили для нее в детстве, фартуки с именем «Глэдис», написанным на ткани по трафарету, есть даже пара фартуков с кружевом, но мама считает их слишком кокетливыми и потому не носит. Мне точно известно, что на чердаке аккуратно сложенными фартуками заполнено семь коробок, и еще два кухонных шкафчика целиком отданы под мамину коллекцию. Для нас с Мардж всегда было загадкой, как мама выбирает, какой фартук надеть сегодня, или как находит тот, что искала среди всех остальных.

Своей привычке носить фартук она не изменила и после того, как вышла на пенсию. Мама работала не потому, что любила свою работу, а потому, что семье требовались деньги. И как только отошла от дел, сразу же вступила в клуб садоводов, занялась волонтерской деятельностью в центре для пожилых людей и активно участвовала в работе общества «Красная шляпа» [3]. Как и у Вивиан и Лондон, у мамы, видимо, был спланирован каждый день недели, она занималась тем, что доставляло ей удовольствие, и у меня сложилось отчетливое впечатление, что в последние несколько лет ее фартуки стали ярче. Простые и скучные фартуки лежали теперь на дне ящика, а сверху были разноцветные, в цветах, птичках и с надписями вроде «На пенсии: молода сердцем, а в остальных местах – постарше».

Когда мы с Лондон приехали к родителям, на маме был фартук в красно-синюю клетку – я

невольно отметил, что на нем нет карманов. Ее лицо осветилось при виде моей дочери. С годами она все меньше напоминает маму, которую я знал раньше, и все больше – бабушку, которую Норман Рокуэлл изобразил бы для обложки «Сатердей ивнинг пост». Мама розовощекая, уютная и мягкая, и потому без слов ясно, что Лондон тоже счастлива видеть ее.

Поездка удалась, к тому же Лиз с Мардж были у родителей в гостях. После кратких приветствий с объятиями и поцелуями внимание всех присутствующих было безраздельно отдано моей дочери, а я словно стал невидимкой. Лиз подхватила Лондон на руки, едва она вбежала в дом, а Лондон все это время не переставая тараторила. Мардж и Лиз внимали каждому ее слову, а когда я уловил в этой скороговорке упоминание о «кексиках», то понял, что Лондон как минимум пару часов будет не до меня. Она обожала что-нибудь выпекать – как ни странно, ведь в этом занятии с неизбежно рассыпанной мукой и сахаром Вивиан не находила ничего приятного.

- Как прошел День независимости? – спросил я у мамы. – Ходили с папой смотреть фейерверки?
- Нет, остались дома, – ответила она. – Слишком уж много повсюду народу и машин. А вы как отпраздновали?
- Как обычно. Сначала сходили на праздник в нашем районе, потом на бейсбольный стадион.
- И мы тоже! – подхватила Лиз. – Надо было пойти вместе. Мы могли бы договориться заранее.
- Извини, не додумался.
- Тебе понравился фейерверк, Лондон? – поинтересовалась Мардж.
- Очень-очень, просто супер! Только было ужасно громко!
- Да уж.
- А теперь мы будем печь кексики?
- Конечно, милая.

Как ни странно, мама не составила им компанию – вместо этого она задержалась со мной, а когда остальные скрылись в кухне, расправила перед своего фартука. Как делала всегда, когда нервничала.

- У тебя все в порядке, мама?
- Ты должен с ним поговорить. Ему надо к врачу.
- Почему? Что случилось?
- Боюсь, что у него рак.

Насчет рака мама всегда высказывается с полной определенностью, называя его не болезнью и даже не онкологией, а раком. Сама мысль о раке приводит ее в ужас. Он отнял жизнь у ее родителей и ее старших братьев. С тех пор рак стал постоянно возобновляющейся темой разговоров с мамой, воплощенным злом, ждущим случая, чтобы нанести удар, когда его меньше всего ждут.

- Почему ты решила, что у него рак?
- Потому что при раке бывают трудности с дыханием. Так было с моим братом. Сначала рак отнимает дыхание, а потом и жизнь.
- Твой брат выкуривал по две пачки в день.
- А твой отец не курит. Но на днях с трудом отдышался.

Впервые я заметил, что естественный румянец на ее щеках поблек.

- Почему же ты мне не сказала? Что случилось?
- Вот как раз сейчас я и говорю, - ответила она и тяжело вздохнула. - В четверг после работы он сидел на веранде. Я готовила ужин, и, хотя жара стояла несусветная, твоему отцу втемяшилось в голову переставить ту кадку с японским кленом с одного конца веранды на другой - мол, чтобы солнце не пекло.
- В одиночку?

Я бы не мог сдвинуть эту штуковину ни на дюйм. Она весила как минимум несколько сотен фунтов. И даже больше.

- Ну да, - ответила мама, словно мой вопрос прозвучал глупо. - Передвинул, а потом несколько минут не мог отдышаться.
  - Ничего странного. Любой после такого отдышался бы с трудом.
  - Но не твой отец.
- Я согласился с ней.
- И что было потом?
  - Я же только что сказала.
  - Долго он приходил в себя?
  - Даже не знаю... пожалуй, пару минут.
  - Отлеживался на диване?
  - Нет, вел себя как ни в чем не бывало. Взял пива и включил какой-то матч.
  - Ну, если ему кажется, что все в порядке...
  - Ему надо к врачу.
  - Ты же знаешь, он не выносит врачей.

- Вот поэтому *ты* и должен с ними поговорить. Слушать меня он больше не желает. Упирается, как пробка в сточной трубе, забитой потрохами и жиром, а сам уже сколько лет не был у врача.

- Так он, наверное, и меня слушать не станет. А Мардж ты просила?

- Она сказала, что теперь твоя очередь.

Ну спасибо тебе, сестренка.

- Ладно, я поговорю с ним.

Она кивнула, но по ее отсутствующему выражению лица я понял, что в мыслях у нее по-прежнему только *рак*.

- А где Вивиан? Она не приедет?

- Сегодня мы вдвоем с Лондон. У Вив какие-то дела.

- А-а, - отозвалась мама. Она знала, что означают эти «дела». - Твой отец, наверное, все еще в гараже.

К счастью, в тени гаража температура была чуть более приемлемой для меня, человека, привыкшего к офисам с кондиционерами. А мой отец, похоже, даже не замечал, что сегодня жарко, а если и замечал, то не жаловался. Гараж был его святилищем, и я, войдя туда, уже в который раз восхитился царящим в нем порядком и в то же время загроможденностью. Инструменты, развешанные по стенам, коробки с проводами и разными запчастями, названия которых я даже не знал, самодельный верстак с ящиками, полными всевозможных гвоздей, шурупов, гаек, какие только существуют в природе, детали двигателей, удлинители, садовый инвентарь - все было разложено по местам. Я всегда считал, что особенно комфортно отец чувствовал бы себя в пятидесятых годах двадцатого века или еще раньше, во времена первых переселенцев.

Мой отец - человек рослый, широкоплечий, с мускулистыми руками и русалкой, наколотой на предплечье, - памятью о службе на флоте. В детстве он казался мне великаном. В одной и той же компании он проработал сантехником почти тридцать лет, но, по-моему, был способен починить что угодно. Протекающие окна и крыши, неисправные газонокосилки и телевизоры, насосы - для него не имело значения, что чинить, он угадывал, что надо сделать и с какой именно деталью, чтобы все вновь заработало. Об автомобилях он знал все - правда, только о произведенных до эпохи всеобщей компьютеризации - и в выходные обычно латал кузов «Форда Мустанг» 1974 года, который сам отреставрировал двадцать лет назад и до сих пор ездил на нем на работу. Помимо верстака, он своими руками сделал множество вещей для дома: настил на заднем дворе, кладовку, туалетный столик для мамы, кухонные шкафы. В любую погоду он носил джинсы и рабочие ботинки и колоритно бранился, отдавая предпочтение не прилагательным, а глаголам. Нечего и говорить о том, что он был равнодушен к поп-культуре и ни минуты не смотрел то, что называют «реалити-ТВ». Он требовал, чтобы ужин на столе ждал ровно в шесть, а после уходил в гостиную смотреть какой-нибудь матч. По выходным, помимо ухода за газоном, он работал в саду или в гараже. Терпеть не мог нежности. Даже со мной он всегда здоровался, пожимая руку, и я всякий раз чувствовал мозоли на его ладони и силу, с которой он сжимает мои пальцы.

Я нашел отца в гараже, из-под «Мустанга» торчали только его ноги. Общаться с ним здесь было все равно что с манекеном, брошенным на складе.

- Привет, пап.

- Кто там?

Лет в шестьдесят пять отец начал понемногу терять слух.

- Это я, Расс.

- Расс? Какого черта ты здесь делаешь?

- Вот, решил привезти Лондон повидаться. Она в доме с мамой, Мардж и Лиз.

- Шустрая девчужка, - буркнул он. На бо́льшую похвалу из уст моего отца не стоило рассчитывать, хотя он и обожал Лондон. Особенно ему нравилось смотреть очередной матч вместе с внучкой, сидящей у него на коленях.

- Мама говорит, на днях ты никак не мог отдышаться. Она считает, что тебе надо к врачу.

- Зря она беспокоится.

- Когда ты в последний раз был у врача?

- Не знаю, может, год назад. Он сказал, я здоров, как бык.

- Мама считает, что прошло гораздо больше времени.

- Может, и так...

Я увидел, как он ощупал несколько ключей, разложенных возле его бедра, и выбрал один из них. Намек я понял: мне следовало сменить тему.

- А что с машиной?

- Где-то масло подтекает. Вот, пытаюсь понять. Наверное, что-то с фильтром.

- Разберешься.

А вот я бы даже не нашел этот самый масляный фильтр. Мы совершенно разные - я и мой отец.

- Как идет бизнес? - спросил он.

- Медленно, - признался я.

- Так я и думал. Нелегко начинать свой бизнес.

- Может, посоветуешь что-нибудь?

- Нечего мне советовать. Я толком и не знаю, чем ты занимаешься.

- Мы же об этом сто раз говорили. Я придумываю рекламные кампании, пишу сценарии для роликов, разрабатываю печатные и цифровые рекламные материалы.

Он наконец выбрался из-под машины, его руки были все в масле, под ногти забились грязь.

- Те ролики с машинами - твоя работа? Где какой-то тип орет-надрывается про последнее выгодное предложение?

- Нет.

На этот вопрос я уже отвечал.

- Видеть эту рекламу не могу. Слишком уж громкая. Сразу приходится убирать звук.

Вот одна из причин, по которой я уговаривал дилеров не делать голоса в рекламе столь громкими – большинство зрителей убирают звук так же, как мой отец.

- Знаю, ты мне говорил.

Он медленно выпрямился. Наблюдать, как отец поднимается, было все равно что следить, как образуется гора в результате столкновения тектонических плит.

- Говоришь, Лондон здесь?

- Она в доме.

- И Вивиан, наверное, тоже.

- Нет. Она сегодня занята.

Он продолжал вытирать руки тряпкой.

- Всякими женскими штучками?

Я улыбнулся. С точки зрения моего отца – в глубине души консервативного сексиста, – к «женским штучкам» относилось практически все, чем занималась мама: от стряпни и уборки до вырезания купонов и поездок в магазин за продуктами.

- Да, женскими штучками.

Он кивнул, считая это объяснение исчерпывающим.

- Я говорил тебе, что Вивиан подумывает снова выйти на работу?

- Хм-м.

- Дело не в том, что нам не хватает денег. Знаешь, она уже давно об этом говорит. Конечно, после того, как Лондон пойдет в школу.

- Хм-м.

- Думаю, так будет лучше для нее. На неполный день. А то заскучает.

- Хм-м.

Я замялся.

- А ты что думаешь?

- О чем?

- О новой работе для Вивиан. И моем новом агентстве.

Он почесал за ухом, явно чтобы выиграть время.

- А тебе никогда не приходило в голову, что, может, ты зря бросил работу?

Мой отец, хотя и является для меня олицетворением мужественности, не любил рисковать. Для него стабильная работа и регулярная зарплата значительно важнее преимуществ собственного бизнеса. Семь лет назад бывший владелец компании, в которой работал отец, предложил ему выкупить ее. Отец отклонил предложение, и бизнес перешел к другому работнику, более молодому и предприимчивому.

Честно говоря, я не ждал от отца советов насчет карьеры. Эти вопросы находятся вне его ведения, но я ничего не имею против. Его жизнь слишком отличалась от моей: если я продолжил учебу сразу после школы, то он пошел служить на эсминце у берегов Вьетнама. В девятнадцать он женился, отцом стал в двадцать два, а через год после этого его родители погибли в автомобильной аварии. Он работал руками, я – головой, и если его представления о мире, поделенном на белое и черное, добро и зло, – кое-кому могут показаться примитивными, они, в сущности, выражают взгляды на то, каким должен быть жизненный путь настоящего мужчины. Женись. Люби жену и относись к ней с уважением. Заведи детей и научи их ценить труд. Делай свое дело. Не жалуйся. Помни, что семья – в отличие от большинства людей, которых ты встретишь в жизни – всегда будет рядом. Чини то, что можно починить, а что нельзя – выбрасывай. Будь хорошим соседом. Люби внуков. Поступай по совести.

Хорошие правила. *Замечательные*. Они в большинстве своем остаются неизменными на протяжении всей его жизни. Но одно из них отвергнуто и уже не значится в его списке. Отец был воспитан в южной баптистской вере, и все наше детство мы с Мардж посещали и вечерни в среду, и дневные церковные службы в воскресенье. Каждое лето на каникулах мы занимались в библейской школе, и вопрос о том, бывать в церкви или нет, для моих родителей никогда не стоял. Как и все прочее, это правило продолжало действовать, пока Мардж не объявила моим родителям, что она лесбиянка.

Могу лишь догадываться, как волновалась Мардж. Мы росли в лоне церкви, считающей гомосексуализм грехом, и моим родителям привили точно такие же взгляды – или, пожалуй, даже более строгие, ведь они относились к другому поколению. В конце концов мой отец обратился к пастору – из тех, что вечно пугал прихожан адскими муками за совершение грехов. Пастор объявил отцу, что Мардж выберет жизнь во грехе, если покорится своей натуре, и что родители обязательно должны привести ее в церковь, дабы не лишать ее надежды обрести милость Божию.

Моего отца по праву можно назвать резким, порой жестким и грубым, но своих детей он всегда любил. И верил в них, поэтому, когда Мардж сказала ему, что не выбирала свой образ жизни, а родилась такой, он только кивнул, сказав, что любит ее, и с этого дня наша семья перестала бывать в церкви.

Думаю, в мире есть немало людей, которые могли бы многому научиться у моего отца.

- Паршиво выглядишь, – сказала мне Мардж. Мы отнесли кексы на веранду, пока мама, Лиз и Лондон пекли очередную партию. Отец сидел в гостиной, смотрел, как играют «Атланта Брейвс», и наверняка ждал, что Лондон вскоре составит ему компанию. Она звала его дедулей, и это меня всегда умиляло.

- Умеешь ты подбодрить, даже настроение поднимается.

- Просто говорю то, что думаю. У тебя нездоровый цвет лица.

- Это от усталости.

- О, значит, ошиблась, - отозвалась она. - И дело не в том, что я хорошо тебя знаю и вижу, когда ты врешь. У тебя стресс.

- Небольшой.

- Не ладится с бизнесом?

Я поерзал на стуле.

- Напрасно я думал, что будет легко найти клиентов.

- Еще появятся. Просто дай им время. - Не дождавшись ответа, она спросила: - А что думает Вивиан?

- Об этом мы с ней почти не разговариваем.

- Что так? Ведь она твоя жена.

- Не хочу, чтобы она волновалась. Пожалуй, поговорю с ней, когда смогу сообщить хоть что-нибудь хорошее.

- Видишь? Вот в чем твоя ошибка. Вивиан должна быть тем самым человеком, с которым ты мог бы говорить о чем угодно.

- Наверное.

- Наверное? Вам обоим давно пора поработать над этим. Сходить к семейному психологу, например.

- Может, нам стоило бы записаться на прием к Лиз. Она ведь психотерапевт.

- Она тебе не по карману. Ты же вообще не зарабатываешь.

- Вот теперь мне намного легче.

- А ты предпочел бы, чтобы я приукрашивала действительность?

- Как бы заманчиво это ни звучало, я пас.

Она засмеялась.

- Суть в том, что я уже не раз видела подобное.

- Что видела?

- Одни и те же ошибки, которые люди совершают, начиная свое дело. - Она попробовала кекс. - Избыток оптимизма, когда речь идет о доходах, и недостаток пессимизма, когда дело касается затрат на бизнес или хозяйство. Или, в твоем случае, кредитки.

- Откуда ты знаешь?

- Ну, привет! А Вивиан и ее походы «по делам»? Выписка, приходящая в середине месяца? Мы

же ведем этот разговор далеко не в первый раз.

- Баланс немного превышен, - нехотя признал я.

- Тогда послушай совета твоей сестры с дипломом бухгалтера: откажись от кредитки. Или хотя бы установи лимит.

- Не могу.

- Почему?

- Потому что я обещал Вивиан, что ее жизнь не изменится.

- С чего вдруг тебе взбрело в голову такое обещать?

- Потому что она не должна страдать.

- Ты ведь понимаешь, насколько по-дурацки это звучит, да? Меньше бегать по магазинам - еще не значит страдать. Вы должны быть партнерами, играть в одной команде, особенно в трудные времена.

- Мы и так в одной команде. И я люблю ее.

- Знаю, что любишь. Если уж на то пошло, ты любишь ее слишком сильно.

- Так не бывает.

- Ага, но... в общем, я просто хочу сказать, что быть ее мужем не всегда легко.

- Это потому, что она женщина.

- Тебе напомнить, с кем ты разговариваешь?

Я замялся.

- Думаешь, я сделал ошибку? С собственным бизнесом?

- Не стоит себя винить сейчас. У тебя все равно не было выбора, разве что уехать чуть ли не на другой конец страны. Мне кажется, что постепенно все наладится.

Именно это мне и было нужно. Но пока она говорила, я невольно задумался, что хотел бы услышать эти слова от Вивиан, а не от своей сестры.

- Я так понимаю, кулинарные курсы тебе еще не надоели? - спросил я у Лиз полчаса спустя. На прошлое Рождество я подарил ей сертификат на пробные уроки по кулинарии под названием «Мечта шеф-повара», и они ей настолько понравились, что она продолжала посещать их. К тому времени я уже доедал второй кекс. - Очень вкусно.

- Это в основном заслуга твоей мамы. Мы редко что-то печем. Сейчас изучаем французскую кухню.

- Вроде эскарго и лягушачьих лапок?

- В том числе.

- И ты это ешь?
- Не поверишь, но они повкуснее этих кексов.
- Еще не уговорила Мардж походить на курсы с тобой за компанию?
- Нет, но это ничего. Я не прочь какое-то время побыть одна. И потом, это же всего один раз в неделю. Тут и говорить не о чем.
- Кстати, о Мардж: она считает, что я тряпка.
- Просто она беспокоится за тебя, - объяснила Лиз. Длинные темно-русые волосы, миндалевидные глаза оттенка кофе и покладистый нрав - она подходила скорее под типаж старосты, чем лидерши команды поддержки, но, на мой взгляд, именно этим и объяснялась ее привлекательность. - Она понимает, насколько тебе сейчас тяжело, потому и волнуется. А как дела у Вивиан?
- Все в порядке, но и ей нелегко. А я просто хочу, чтобы со мной она была счастлива.
- Хм-м.
- То есть?
- А что я должна была сказать?
- Ну, не знаю. Возразить мне? Дать совет?
- С какой стати?
- Ты же как-никак психолог.
- Ты не пациент. И даже будь ты пациентом, вряд ли я смогла бы помочь.
- Это еще почему?
- Потому что на терапию ходят не для того, чтобы изменить кого-то другого. А в попытках изменить самого себя.

К машине я вел Лондон за руку.

- Только маме не говори, что я съел два кекса, ладно?
- Почему?
- Потому что мне вредно, а я не хочу, чтобы она расстраивалась.
- Ладно, - согласилась она. - Не скажу. Обещаю.
- Спасибо, детка.

В шесть часов мы с Лондон вернулись, привезя с собой партию ванильных кексиков, и обнаружили, что дома никого нет.

Я отправил Вивиан сообщение, спрашивая, где она, на что получил ответ: «Осталась пара дел, скоро приеду». Ответ раздражал своей уклончивостью, но прежде, чем я успел написать еще одно сообщение, Лондон потащила меня за рукав к розовому трехэтажному «Дому мечты» для Барби, который возвышался у нас в углу гостиной.

Лондон обожала Барби, души в ней не чаяла. У нее было семь кукол Барби, два розовых кабриолета и пластмассовая коробка нарядов, которых хватило бы на целый торговый центр. По-видимому, Лондон ничуть не смущало, что все куклы носят одно и то же имя; еще больше меня удивляла уверенность дочки в том, что всякий раз, переходя из одной розовой комнаты трехэтажного «Дома мечты» в другую или сменяя занятие, Барби обязательно надо переодеться. Это происходило примерно каждые тридцать пять секунд. И еще больше, чем самой переодевать Барби, Лондон нравилось, когда за нее это делал папа.

В течение следующих полутора часов я провел, по кукольным меркам, целых четыре дня, только и делая, что переодевая Барби.

По-вашему, это бессмысленно? По-моему, тоже. Вероятно, тут есть какая-то связь с теорией относительности, но Лондон, похоже, не заботило, скучно мне или нет, лишь бы я продолжал переодевать кукол. Не волновало ее и другое – понимаю ли я причины, по которым она выбирает конкретную одежду. Помню, ближе к вечеру, когда в игре наступил третий день, я потянулся за зелеными брючками, и Лондон покачала головой:

- Нет, папа! Я же сказала: на кухне на ней должны быть надеты *желтые* брюки.

- Почему?

- Потому что она на *кухне*.

М-да.

Наконец я услышал, как к дому подъехал внедорожник Вивиан. В отличие от моего «Приуса» его расход бензина ужасал, зато он был большой, надежный, а Вивиан на это заявляла: водить гораздо более экономичный минивэн она не согласится ни за что.

- Мама приехала, детка, – сообщил я и вздохнул с облегчением, когда Лондон кинулась к двери, открыла ее и радостно произнесла: «Мамочка!» Прежде чем последовать за дочерью, я наскоро навел порядок в углу, где мы играли. К тому времени, как я вышел на крыльцо, Вивиан уже держала на руках Лондон, багажник был открыт, и я произвел беглый осмотр. Волосы Вивиан стали заметно короче, до плеч, и были подстрижены, как во время нашего знакомства.

Она улыбнулась мне, щурясь от угасающего летнего солнца.

- Дорогой! – позвала она. – Пакеты нехватишь?

Я спустился с крыльца, слушая щебет Лондон, рассказывая Вивиан, как прошел день. Когда я приблизился, Вивиан опустила Лондон на землю. По выражению ее лица я понял, что она ждет реакции.

- Ух ты! – Я поцеловал ее. – Сразу столько воспоминаний!

- Нравится? – спросила она.

- Очень красиво. Но как ты умудрилась подстричься в воскресенье? Неужели нашлась

работающая парикмахерская?

- В центре есть салон, который работает по воскресеньям. Я наслушалась об одном из их мастеров, вот и решила попробовать.

Почему она не упомянула об этом утром, я понятия не имел. Но заметил, что она успела и на маникюр...

- Мне тоже нравится, мамочка! - вмешалась Лондон, прервав мои размышления.

- Спасибо, детка.

- А я сегодня у бабули пекла кексики.

- Да ты что!

- Такие вкусные! Папа целых два съел!

- Правда?

Моя дочь закивала, явно забыв о нашей договоренности.

- А дедуля - четыре!

- Наверное, и вправду вкусные. - Вивиан улыбнулась и забрала из салона пару пакетов полегче. - Ты не сможешь мне отнести покупки?

- Ладно. - Лондон взяла пакеты и направилась к крыльцу. А я заметил озорную улыбку на лице Вивиан - похоже, она была в настроении.

- Два кекса, значит?

- Ну, что я могу сказать? - Я пожал плечами. - Было вкусно.

Она достала еще несколько пакетов и четыре из них вручила мне.

- Похоже, вы вдвоем сегодня отлично провели время.

- Да, развлекались как могли, - согласился я.

- Как твои родители?

- У них все в порядке. Мама опять беспокоится, что у отца рак. Говорит, на днях никак не мог отдышаться.

- Ничего хорошего.

- Это только верхушка айсберга, но я уверен, что беспокоиться не о чем. Мне показалось, что с ним все в порядке. Конечно, в чем-то мама права. Ему стоило бы провериться.

- Дай мне знать, когда соберешь табун диких лошадей, который поможет тебе дотащить его до врача. Хочу сделать фото. - Она подмигнула и бросила взгляд на входную дверь. - Может, принесешь все остальное? - спросила она. - Хочу поболтать с Лондон.

- Конечно, - кивнул я.

Она поцеловала меня еще раз, и я ощутил ее влажные губы на своих губах. Определенно заигрывает.

- Там на заднем сиденье остались еще пакеты.

- Ничего, заберу.

Она отошла, а я принялся собирать пакеты с продуктами.

Но там были не продукты. Вместо них все заднее сиденье было завалено пакетами из элитных магазинов, и у меня упало сердце. Не удивительно, что Вивиан в прекрасном настроении.

Сердце щемило. Я в три захода разгрузил внедорожник. Пакеты из торговых центров я оставил на обеденном столе и уже заканчивал раскладывать купленные продукты, когда на кухню вышла Вивиан. Открыв шкаф, она достала пару бокалов и направилась к холодильнику для вина.

- По-моему, выпить тебе требуется больше, чем мне, - сообщила она, разливая вино. - Лондон сказала, что ты играл с ней в Барби.

- Играла она. А я заведовал гардеробом.

- Как я тебя понимаю! Сама вчера была на твоём месте. - Она подала мне бокал и сделала глоток. - Как Мардж и Лиз?

Тон почти не изменился, но я понял, что ответ ее несколько не интересует. Вивиан относилась к Мардж так же, как Мардж к ней, именно поэтому Вивиан лучше ладила с Лиз. Но, несмотря на вежливое и дружеское общение, Вивиан и Лиз были не особенно близки друг с другом.

- У них все замечательно. Лондон очень нравится общаться с ними.

- Знаю.

Я указал в сторону обеденного стола.

- Вижу, у тебя был шопинг.

- Лондон нужны несколько летних платьиц.

Моя дочь, как и жена, выходила из дома, наряженная так, словно сошла со страниц модного каталога.

- А я думал, ты уже купила ей летнюю одежду.

Она вздохнула:

- Прошу, не начинай.

- Что не начинать?

- Опять цепляться ко мне из-за шопинга. Ужасно надоело это слышать.

- Я к тебе и не цеплялся.

- Ты серьезно? – спросила она с раздражением. – Ты делаешь это, даже когда я использую шанс закупиться на распродажах. И потом, мне тоже была нужна пара новых костюмов – у меня на этой неделе собеседования.

На секунду мне показалось, что я ослышался.

- Собеседования? На этой неделе?

- А почему, по-твоему, я ношусь целый день по городу как сумасшедшая? – Она покачала головой, будто удивлялась, что до меня до сих пор не дошло. – Кстати, вспомнила: ты ведь побудешь с Лондон, да? Во вторник днем и в среду утром? Часа три? Мне предстоит целый ряд собеседований с руководством компании.

- Эм-м... да, пожалуй, – кивнул я, все еще пытаюсь осознать слово «собеседование». – Когда ты об этом узнала?

- Сегодня.

- В воскресенье? В праздничные выходные?

- Поверь, я удивилась не меньше, чем ты. В пятницу у них в офисе вообще никого не было. Я как раз ехала делать прическу, когда они со мной связались.

- Почему же не позвонила мне?

- Потому что после такого разговора я начала метаться по делам, сама не веря, что это правда. Невероятно, да? Думаю, это надо отпраздновать. Хочешь посмотреть, что я купила?

Не дожидаясь ответа, она направилась к столу, достала два костюма, серый и черный, и набросила их на спинки стульев.

- Ну, как тебе?

- Очень стильно, – ответил я, стараясь отвести взгляд от ценников, но не смог. Желудок охватила судорога. Перед глазами заплясали долларовые значки.

- Ткань первоклассная, от покроя я в восторге, – продолжала она. – А вот это я купила к ним... – Она вынула из очередного пакета четыре блузки и приложила их по очереди сначала к одному костюму, потом к другому. – Блузки сочетаются с обоими – я старалась сэкономить на чем только могла.

Я не знал, что на это сказать, и перевел тему:

- Я так и не понял, как вышло, что тебе уже назначили собеседования. Ты же совсем недавно говорила, что всего лишь наводишь справки.

- Мне повезло, – объяснила она.

- То есть?

- Пару недель назад я звонила Робу – сказать, что подумываю вернуться в пиар, и он пообещал сообщить мне, если найдет что-нибудь подходящее. А потом я позвонила моему бывшему боссу

в Нью-Йорк - помнишь его?

Я кивнул. Этого типа мы видели чуть ли не каждый вечер по телевизору.

- В общем, он пообещал что-нибудь придумать. На многое я не рассчитывала, но он, видимо, поговорил со своим менеджером, а этот менеджер в итоге перезвонил мне. Так получилось, что он знает одного человека, который знаком с другим человеком, и в прошлый понедельник я уже говорила насчет работы с одним из вице-президентов, а она попросила меня предоставить резюме и три рекомендательных письма.

- Ты занимаешься этим вопросом с понедельника? И ничего мне не сказала?

- Я не думала, что из этого что-нибудь выйдет.

- А по-моему, ты должна была представлять, чем все может кончиться.

- Ой, прекрати! Как будто в таком деле можно хоть что-то знать наперед. - Она принялась убирать блузки. - Кстати, за третью рекомендацию пришлось побороться. Мне хотелось, чтобы ее дала местная знаменитость, но я не знала, согласится ли он. Но он, конечно, не отказался, и к среде у меня уже были все необходимые бумаги.

- Говоришь, это работа в сфере пиара?

- Я буду работать не столько на компанию, сколько на одного из ее руководителей. По-видимому, он дает множество пресс-конференций и интервью. На побережье реализуется сразу несколько его проектов, что защитники окружающей среды всегда воспринимают в штыки. Вдобавок у него теперь превосходный общественно-доступный канал, он все активнее участвует в политической жизни и стремится всегда оставаться в струе.

- И кто этот руководитель?

Она помолчала, водя пальцами по новому костюму.

- Прежде, чем я тебе скажу, не забывай, что мне еще даже не предложили работу. И я не знаю точно, возьмусь ли за нее. Надо уточнить детали.

- И все-таки, почему ты ничего не сказала мне?

- Не хотела тебя расстраивать.

- С какой стати мне расстраиваться?

Она стала убирать костюмы в пакеты.

- Просто ты его знаешь. Ты работал над одной из рекламных кампаний для него.

Факты мгновенно сложились у меня в голове в единое целое.

- Уолтер Спаннермен?

Она смутилась.

- Да.

Я вспомнил, как он отравлял мне жизнь, вспомнил его пристрастие к красивым женщинам и ничуть не удивился тому, что Вивиан вызвала у него интерес.

- Ты ведь знаешь, что он дрянь? Как и его компания?

- Потому ему и понадобился постоянный сотрудник, который будет заниматься пиаром.

- И ты готова работать с таким человеком?

- Не знаю. Я с ним пока не встречалась. Надеюсь, я смогу понравиться ему.

«При твоей-то внешности? Еще бы!» - подумал я.

- И сколько часов работы в неделю им может понадобиться?

- Вот в этом-то все и дело, - подхватила она. - Это работа на полный день. И видимо, с возможными деловыми поездками.

- На несколько дней?

- А разве бывает по-другому?

- Как же быть с Лондон?

- Я пока еще ничего не знаю. Будем решать проблемы по мере поступления. Если вообще они появятся. А пока можем мы просто выпить? Ты готов на это ради меня?

- Конечно, - ответил я, но одновременно задумался о Спаннермене, его отношениях с Питерсом, и поймал себя на мысли: у кого же Вивиан попросила недостающую рекомендацию?

Но разве могла она так поступить?

Глава 5

Перемены

Когда Лондон было четыре года, под елкой на Рождество она нашла трехколесный велосипед. Я решительно настоял на своем желании подарить ей его: в лучших воспоминаниях из детства я изо всех сил ждал на педали своего «Швинна», радуясь свободе знойных летних дней. Правда, почти все эти воспоминания относились к периоду между восемью и тринадцатью годами. Но с приближением праздников я все чаще думал, что если Лондон начнет учиться ездить на велосипеде уже сейчас, то через год-два дополнительные колеса можно будет снять, а через несколько лет она сможет кататься так же уверенно, как я когда-то.

Однако у Вивиан эта затея не вызвала восторга. У нее в детстве тоже был велосипед, но радостных воспоминаний, связанных с ним, не было. Помню, как я спрашивал ее, купила ли она велосипед, на протяжении нескольких недель перед Рождеством, и всякий раз она заявляла, что еще не успела, оправдываясь нехваткой времени. В конце концов я буквально притащил ее в магазин и купил велосипед сам, а потом, когда Вивиан уснула, потратил несколько часов на сборку.

Я не мог дождаться, когда Лондон наконец опробует велосипед. Едва заметив его под елкой,

она тут же бросилась к нему, а я помог ей забраться в седло. Я уже начал подталкивать Лондон, чтобы прокатить по гостинной, но тут вмешалась Вивиан, предлагая открыть остальные подарки. Как обычно, Лондон получила в подарок слишком много всего: одежду и игрушки, наборы пальчиковых красок, манекен, чтобы наряжать его, набор бусинок, чтобы делать украшения. А еще – бесчисленные «аксессуары» для Барби; мне понадобился час, чтобы собрать и выбросить упаковочную бумагу и ленты, разбросанные по комнате. Все это время Вивиан провела с Лондон, ее игрушками и одежками, поэтому лишь около полудня мне наконец удалось вывести дочь на улицу.

Вивиан сопровождала нас, но мне показалось, что происходящее она воспринимает скорее как свою обязанность, чем как новое и увлекательное приключение для Лондон. Пока Вивиан стояла на крыльце, скрестив руки на груди, я помог Лондон сесть на велосипед. Ее дыхание вырывалось изо рта легкими облачками пара, я шел рядом, придерживая руль. Я учил Лондон работать педалями, мы ездили туда-сюда по улице, но через пятнадцать минут она сказала «хватит». Ее щеки покраснелись. Я полагал, что она отлично справлялась. Не знаю, почему, но я думал, что до конца этого дня мы потренируемся еще два или три раза.

Вместо этого Лондон провела остаток Рождества, играя с Барби и меряя новую одежду под присмотром сияющей Вивиан, потом рисовала пальчиковыми красками и собрала пару браслетов из бус. Но я не отступал: вся неделя у меня была свободна, и я взял себе за правило хотя бы раз в день выводить Лондон покататься. За несколько дней ее движения стали более слаженными, велосипед меньше вилял из стороны в сторону, и мне все реже приходилось придерживать руль. Лондон заливалась смехом, когда я делал вид, будто бы не успеваю за ней – так быстро она едет. С каждым разом мы проводили на улице все больше времени, а когда она наконец объявляла, что накаталась, я вел ее за руку до самой двери дома. Она рассказывала Вивиан о своих успехах возбужденно, и я уже не сомневался: Лондон пристрастилась к катанию на велосипеде и, даже после того, как я снова начну работать, будет требовать ежедневных прогулок с велосипедом.

Но этого не произошло. Когда я возвращался с работы, к тому времени обычно уже темнело и Лондон в пижаме готовилась ко сну. На вопрос, каталась ли она сегодня на велосипеде, она всегда отвечала «нет». Всякий раз Вивиан находила причину, чтобы не выводить ее на прогулку, – шел дождь, им надо было по делам, у Лондон, кажется, начиналась простуда, или даже она сама не захотела гулять. А я, ставя машину в гараж, видел, как пылится в углу маленький велосипед, благодаря которому мы так весело проводили время. И каждый раз от этого у меня щемило сердце. Должно быть, на самом деле я знал свою дочь не так хорошо, как мне казалось, и нам с Лондон просто-напросто нравились разные занятия. Порой я ловил себя на мысли: неужели Вивиан не хочет, чтобы Лондон каталась на велосипеде, просто потому, что мне этого очень хочется?

Увольнение с работы я счел самым важным событием 2015 года для моей жены и для меня. В итоге я, конечно, ошибался: попытка начать собственное дело стала всего лишь первой косточкой из длинной вереницы домино, которая, падая, потянула за собой другие, большего размера.

Следующая неделя стала второй из этих косточек.

В понедельник Вивиан хотела подготовиться к беседам, поэтому я вернулся из офиса в полдень. Наводя порядок в доме и занимаясь стиркой, я попутно развлекал Лондон, что было не так-то просто, как может показаться. Во вторник днем, пока Вивиан ездил на собеседование, я повел Лондон обедать в «Чак И. Чиз» – заведение, куда никогда не ступала

нога Вивиан. После обеда Лондон немного поиграла на автоматах, надеясь выиграть столько билетиков, что их удастся обменять на розового плюшевого мишку. К выигрышу мы даже не приблизились, и, по моим подсчетам, на деньги, потраченные на жетоны для автоматов, я смог бы просто-напросто купить три таких же медведя.

В среду я отдал предпочтение нашей обычной субботней программе – завтраку и прогулке по парку, но никак не мог избавиться от мыслей о работе. Мне представлялось, как потенциальные клиенты пытаются дозвониться до меня, или, хуже того, лично приезжают в офис и обнаруживают, что он закрыт, но когда я звонил администратору с вопросами, то всякий раз слышал, что сообщений мне никто не оставлял.

Мой первоначальный список потенциальных клиентов сократился до нуля, и я занялся «холодным» обзвоном, предлагая свои услуги. Начиная с дневных часов среды и на протяжении всего четверга я успел сделать более двухсот звонков. Несмотря на то, что я постоянно слышал от собеседников, что мои услуги их «не интересуют», я продолжал упорствовать и сумел назначить пять встреч на следующую неделю. Эти компании не принадлежали к числу клиентов, на которых обычно ориентировалась «Питерс Групп» – семейный ресторан, магазин сэндвичей, два мануальных терапевта, спа-салон, – от них не стоило ждать заказов на внушительную сумму. Но это лучше, чем ничего.

Вернувшись домой, о собеседованиях Вивиан почти ничего не рассказала. По ее словам, не хотела сглазить, но казалась уверенной в успехе, а пока я говорил ей о своих встречах, назначенных на будущую неделю, ее мысли явно витали где-то далеко. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что это был тревожный сигнал, на который мне следовало обратить внимание.

В пятницу утром выйдя на кухню, я услышал, как зазвонил мобильник Вивиан. Лондон уже сидела за столом и ела хлопья. Вивиан взглянула на определившийся номер и выскочила в патио, прежде чем нажала кнопку «Ответить». Решив, что звонит ее мать – единственный известный мне человек, способный звонить в такую рань, – я налил себе кофе.

- Привет, детка, – сказал я Лондон.

- Привет, папочка. А ноль – это число?

- Да, – кивнул я. – А что?

- Ну-у... ты же знаешь, что мне пять лет, да? А до этого было четыре?

- Да.

- А сколько мне было до того, как исполнился год?

- До того как тебе исполнился один год, мы считали твой возраст в месяцах. Например, три месяца или шесть месяцев. А до того как тебе исполнился один месяц, твой возраст измерялся в неделях. И даже в днях.

- А еще раньше мой возраст был ноль, да?

- Пожалуй, да. А почему ты спрашиваешь?

- Потому что в октябре мне будет шесть лет. Но на самом деле семь.

- Милая, тебе будет шесть.

Она подняла кулачки и начала считать, поочередно разгибая пальцы:

- Ноль. Один. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть.

К тому времени она разогнула пять пальцев на одной руке и два на другой. Всего семь.

- Нет, все не так, - произнес я.

- Но ты же сказал, что мне было ноль лет и что ноль - это число. Вот семь чисел. Значит, мне будет семь, а не шесть.

Обработать эту мысль до первой чашки кофе оказалось слишком сложно.

- Когда ты об этом задумалась?

Она пожала плечами, и у меня вновь мелькнула мысль, как поразительно она похожа на свою мать. В эту минуту на кухню вернулась слегка разруганная Вивиан.

- Все хорошо? - спросил я.

Мне показалось, она не сразу меня услышала.

- Ага, - наконец отозвалась она. - Замечательно.

- У твоей мамы все нормально?

- Наверное. Я уже неделю с ней не говорила. А почему ты спрашиваешь про маму?

- Разве сейчас ты не с ней разговаривала?

- Нет, - ответила она.